

ЛИНН ЛАУБЕР, ЛУИЗА Л. ХЕЙ

Сотвори свое будущее

*Как силой мысли
изменить судьбу*

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗИТИВА :)

ЛИНН ЛАУБЕР, ЛУИЗА Л. ХЕЙ

Сотвори свое будущее

*Как силой мысли
изменить судьбу*

ПСИХОЛОГИЯ ПОЗИТИВА :)

Линн Лаубер, Луиза Л. Хей

Сотвори свое будущее. Как силой мысли изменить судьбу

Данная книга – это художественное произведение. Все персонажи, имена, названия мест и события являются вымышленными. Любое совпадение с реальными событиями, местами либо с реальными людьми, ныне живыми или уже усопшими, совершенно случайно.

В ней было что-то свежее и новое. При определенном свете она словно излучала вневременную красоту, что взрослило ее и придавало ей сходство со святой на одной из итальянских фресок. Она была поглощена окружающей красотой. Именно благодаря такому воспитанию они все и выжили.

Глава I

*Это история о любви и надежде, о том, как
два чужих человека спасли друг друга, казалось
бы, в самый последний момент.*

* * *

Это было еще одно знойное июльское утро в районе Миссия в Сан-Франциско, в котором все маломальски зеленое и приятное глазу постепенно исчезло. Чудесных сладких каштанов и душистых ив, которые росли здесь раньше, уже не было и в помине. А лужайки были покрыты черным, как лакрица, асфальтом.

Лупе, которая каталась на роликах во дворе жилого дома, казалась исключением из общего правила. В ней было что-то свежее и новое. У этой одиннадцатилетней длинноногой девочки были темные длинные волосы, стянутые сзади в «конский хвост». При определенном свете она словно излучала вневременную красоту, что взрослило ее и придавало ей сходство со святой на одной из итальянских фресок. Но от улыбки – а при этом на щеках у нее появлялись шаловливые ямочки – она снова становилась девчонкой.

Наматывая круг за кругом по подъездной дорожке перед домом, она тихонько, себе под нос, мурлыкала по-испански:

– Любовь – моя радость и свет.

В душе наступает рассвет.

Она остановилась, чтобы полюбоваться буйно цветущей старомодной чайной розой, что обвилась вокруг кружевной ограды, расправив пышные лепестки нежного абрикосового оттенка.

Девочка подняла взгляд на окно второго этажа, в проеме которого, словно по волшебству, показалось лицо пожилой женщины с темной, как кожа ореха, в глубоких морщинах, кожей.

– Бабушка, смотри!

– *Si, si. Muy bonita!*^[1] Осторожнее, не уколись! – крикнула пожилая женщина, но ее слова, словно волной, накрыло звуками сальсы, когда кто-то внутри громко включил музыку.

Правда, Лупе все равно не стала бы ее слушать: она была поглощена окружающей красотой.

Это ничуть не беспокоило Хуану Салдана – она сама так воспитала внуку. Именно благодаря такому воспитанию они все и выжили.

Бабушка вернулась внутрь квартиры, что находилась на втором этаже, где двигались какие-то коробки и стоял постоянный стук. Это было убогое жилище со старой бытовой техникой и истертыми коврами. Молча, шаркающей походкой, вошел старик, держа большое комнатное растение в горшке. Поставил растение в гостиной и снова вышел.

Помимо стука молотка вскоре послышался какой-то другой звук, какое-то жужжание в соседней квартире 206.

Раздался грубый мужской голос, пытавшийся перекрыть царящий гам: «Я слышу! Слышу!» – и затем, словно в ответ, дернули за рычаг внутреннего переговорного устройства с кодовым замком.

Дверь широко распахнулась, и на пороге показался высокий мужчина лет пятидесяти по имени Джонатан Лэнгли. На его продолговатом лице было выражение ярости. Развевающиеся, с частой проседью темные волосы придавали ему необычный и немного рассеянный вид принца, который переживает далеко не лучшие времена. На тонком лице выделялись выступающие скулы и пухлые губы. На нем была дорогая льняная рубашка с пятнами от томатного соуса, а на носу – очки в тонкой металлической оправе с темными линзами. В правом кулаке была зажата пачка долларов.

Он выглянул во двор и воскликнул:

– Вы уже вошли или нет?

Но интерком продолжал дребезжать.

– Господи, да я ведь уже звонил, чтоб входили!

Он бросился к интеркому и снова дернул рычаг со всей силы.

В помещение ворвался оглушительный голос посыльного:

– Эй, вы там! Я тут принес для...!

Его перебил Джонатан: он был невыразимо зол. Последнее время его абсолютно все раздражало. Лишь за минувшую неделю он разбушевался по

поводу счетчика, наорал на доставщика заказов из ресторана китайской кухни и на парикмахера, что стриг его раз в месяц. А все почему? Потому что терпеть не мог сидеть взаперти у себя в квартире и целиком зависеть от других.

– Нет, это вы «Эй вы там!». Я снова позвоню, что можно входить. Когда услышите звонок, открывайте дверь! Это как раз та металлическая большая штуковина, что торчит у вас прямо под носом!

Он снова нажал на рычаг кодового замка и при этом чертыхнулся. Посыльный наконец-то открыл дверь и вошел.

Лупе перестала кататься и остановилась посреди двора, с интересом и любопытством наблюдая за тем, как Джонатан то высовывался из окна, то нырял внутрь. Назойливый непрерывный грохот, раздававшийся из квартиры рядом, стал еще громче.

– Да перестаньте же колошматить! – прорычал Джонатан, уронив часть денег на пол. – Черт побери! – Он опустил на четвереньки и начал шарить руками вокруг себя.

Посыльный добрался до верхней лестничной площадки и увидел, как Лэнгли шарит по полу.

– У меня посылка для мистера Лэнгли!

– И без вас знаю, как меня зовут, покорно благодарю! – проворчал Лэнгли, все еще стоя на четвереньках и пытаясь нащупать на полу последний доллар. Он с трудом встал и протянул посыльному деньги: – Вот, здесь без сдачи!

Внизу послышался звук роликовых коньков. Лупе въехала в вестибюль и теперь смотрела на них снизу.

– И нечего внутри здания кататься! – крикнул Лэнгли. – А ну, марш на улицу, ясно? Здесь опаснее!

Посыльный взял деньги и вошел в квартиру вслед за Лэнгли. Здесь он наконец взглянул ему в лицо.

– Ой, черт, парень, а мне и невдомек! Ты же слепой!

Джонатан что-то прорычал и отвернулся.

– Положи сверток на стол, а другой заberi! Он готов к отправке. И поосторожнее!

– Эй, я свою работу знаю!

– Нет такого слова – «эй», – кратко бросил Лэнгли и отошел. А когда посыльный повернулся, чтобы уйти, шепотом добавил: – А вот слово «придурок» есть.

Посыльный почти скатился кубарем вниз по лестнице и по пути наткнулся на Лупе. Он посмотрел на нее, в его взгляде сквозили отчаяние и

сочувствие.

– Бог мой, ну и чудовище!

– Он просто растерян.

– Ты его что, знаешь?

– Нет, – ответила она и неуверенно добавила: – Пока нет.

* * *

Лупе жила с бабушкой и дедушкой, но часто вспоминала родителей, вернувшихся в Мексику. В прошлом году они оба лишились работы в Штатах – отец работал на стройке, а мать была сестрой-хозяйкой в доме для престарелых. Поскольку официальных документов у них не было, они не могли получать пособие по безработице, а другой работы найти не удалось.

Лупе наблюдала, как они каждый вечер возвращались домой, стараясь не смотреть ей в глаза, а разговаривали тихо и взволнованно. Она подмечала, как они пересчитывали потрепанные доллары, которые были припрятаны на дне материнского комода. Она наблюдала, как некогда веселое лицо отца постепенно мрачнело и покрывалось морщинами. Обратила внимание и на то, что каждый вечер мать старалась по-разному готовить бобы или рис.

За последние месяцы семья лишилась опоры, и всем пришлось делать нелегкий выбор, кому оставаться в Америке, а кому возвращаться. В конце концов решили, что Лупе останется с бабушкой и дедушкой, а родители вернутся в Мексику. Лупе отчетливо, до боли, помнила тот ужасный разговор, когда мать особым, строгим голосом позвала ее в гостиную.

– Папа и я возвращаемся. Теперь придется жить так.

Когда Лупе расплакалась, мать обняла ее.

«Это ведь не навсегда, *mi amor!*^[2] – произнесла она, сама едва сдерживая слезы. – Так будет лучше, сама понимаешь».

И от того, что переезд был вызван финансовыми трудностями, было ничуть не легче.

Лупе скучала по отцу, который помогал ей делать домашние задания по истории и математике. Ей не хватало смеха мамы по утрам. Ее улыбки, от которой и день становился светлее.

Она даже скучала по Аксочиапан, по мексиканской деревушке, откуда была родом, утопавшей в зелени, прекрасной и... нищей. Когда она жила вместе с родителями, то редко вспоминала об этой деревне. А теперь, когда они были так далеко от нее, она мечтала о бугенвилее, о лагуне неподалеку и о том теплом чувстве, которое ею овладевало, когда соседи устраивали

посиделки на заднем дворе после ужина, чтобы охладиться после жаркого дня.

Она вспоминала, как ее лучшая подруга Мария приходила в гости и они вместе играли на заднем дворе. Лупе всегда изображала учительницу или медсестру, а Мария – ученицу или пациентку. В отличие от своих матерей, они собирались сделать карьеру, когда вырастут. Обе мечтали поступить в колледж, обзавестись собственным велосипедом, иметь возможность самостоятельно ходить в бакалейную лавку и выбирать все, что им захочется.

Лупе хотелось хотя бы навестить своих родителей и друзей, но бабушка сказала, что это невозможно. На такое излишество у них просто не было денег. И потом, а что, если Лупе больше не пустят в Штаты?

Бабушка напомнила ей, что сердце дедули больше не выдержит треволнений и несчастий. Но Лупе и не надо было об этом напоминать.

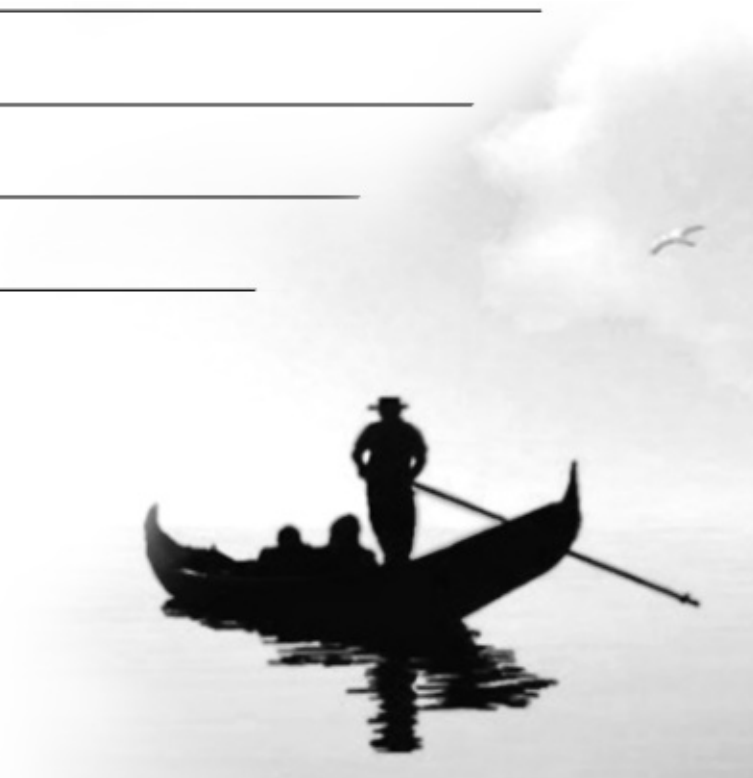
Она очень любила дедушку, его старенькое лицо, блеклые глаза, поулиточьи медленную походку. Когда-то Рауль Салдана был полон жизненных сил – мужчина, который строил дома и рубил деревья. Самато она это время не помнила – время, пока он еще не ослабел из-за эмфиземы и болезни сердца. Но по всей квартире были развешаны фотографии, которые доказывали, что это было правдой. На них и бабушка выглядела совершенно иначе – черноокой красавицей с камелиями в волосах. Они оба фотографировались в необычных нарядах. Дедушка снимался в широкополой шляпе и вышитой рубашке, а бабушка – в широкой юбке с оборками и рюшами. Они казались самыми жизнерадостными людьми на свете, держались так, словно будут жить вечно. В сознании Лупе эти люди уживались рядом со стариками, в которых в действительности превратились с тех пор ее дедушка и бабушка. Иногда они ей даже мерещились в образе уставших героев в сумрачном свете телевизионного экрана.

*

Старайтесь быть дружелюбнее.

*Позитивное мышление, невозмутимое выражение лица и улыбка –
действенные способы защиты от мрачных, скептических взглядов и
неприятностей.*

Глава II

Почувствовав сквозняк на лестнице, Джонатан понял, что посыльный не закрыл за собою дверь, и спустился, чтобы ее захлопнуть. По дороге он уловил острый запах лайма от лосьона после бритья, что свидетельствовало о присутствии мистера Антунуччи, домовладельца.

С тех пор как Джонатан ослеп, он обнаружил, что у каждого человека есть определенный, только ему присущий запах, который или возвещал о его приближении, или окружал его подобно ауре; иногда у него в голове возникали цветные образы.

Он никогда никому не говорил об этом. Но у мистера Антунуччи был не только цитрусовый, но и розовый запах.

– Что это за грохот там, за дверью?

– Привет, мистер Лэнгли! – произнес мистер Антунуччи голосом человека, которому не раз приходилось долго-долго выслушивать жалобы мистера Лэнгли.

– Я вот тут в ванной комнате устанавливаю перила.

– А зачем супругам Ли нужны поручни?

– Ли в прошлом месяце переехали. А теперь въезжают новые жильцы – пожилая пара Салдана сняла эту квартиру.

– Должно быть, очень уж старые, если им понадобились перила!

– Вы тоже когда-нибудь состаритесь.

– Сомневаюсь, – пробормотал Джонатан.

– Они снимают ненадолго – всего на пару месяцев. Одному из них нужно ходить на лечение в больницу, что находится через дорогу.

– На эту помойку? Скажите им, что они там как миленькие подхватят стафилококк!

– Постарайтесь быть дружелюбнее.

Из спальни вышел старик и, медленно толкая перед собой тележку с кислородным баллоном, направился в холл.

– Доброе утро, мистер Салдана, – сказал Антунуччи.

– Утро доброе, – с трудом ответил старик, а затем зашелся в долгом приступе влажного кашля. Из квартиры за его спиной доносились звуки сальсы.

Джонатан покачал головой, возвращаясь к себе в квартиру:

– Господи, помоги!

– Вам его помощь действительно понадобится, – прошептал Антунуччи.

Лупе, которая заглядывала в квартиру супругов Салдана, выкатилась на роликах и уставилась на табличку на двери Джонатана.

– Этот Джонатан Лэнгли – самый несчастный человек на свете, – произнес мистер Антунуччи.

* * *

Джонатан не всегда был грубым слепым мужланом, орущим на соседей и посыльных. Когда-то о нем говорил весь город, он был преуспевающим художником, входил в избранный круг молодых щеголей, которых отличали шик и привлекательность. Он выставлялся в европейских столицах, в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе. Казалось, что его фотография не сходила со страниц светской хроники «Нью-Йорк Таймс», особенно раздела о моде. Он улыбался то на какой-нибудь вечеринке, то на церемонии открытия. Всегда красив и подтянут и всегда на виду. Он был героем материалов и «Лос-Анджелес Таймс», и «Чикаго Трибюн». Ему приходилось так часто давать интервью, что в итоге он на них даже не волновался.

Репринты и репродукции его самой известной картины «Танцующий бродяга» сделали его богатым и знаменитым. Он пытался не поддаваться искушению славой, но не смог с собой совладать. Привык к похвалам; затем решил, что заслуживает их. Тратил практически все, что зарабатывал. Купил серебристый «Ягуар» и квартиру на Мэдисонавэню, пристрастился к серым, цвета голубинового оперения, свитерам из кашемира и пальто на меховой подкладке.

Он был не в ладах с родителями и сестрой – когда-то они наговорили друг другу много неприятного, а обидные слова не взять обратно. Других близких родственников у него не было, поэтому семью ему заменили

друзья и другие художники. Они праздновали День благодарения в Аспене и встречали Рождество на островах в Карибском море. Они так часто летали на Гавайи, что в конце концов Джонатан купил дом на острове Мауи, прямо на берегу моря – один из трех, которыми владел в те времена, когда преуспевал и пользовался влиянием.

Все это, как он полагал, будет продолжаться всегда. Старые деньги закончатся, появятся новые. Благосостояние умножится, как и число друзей; а внешность всегда можно подправить небольшой пластической подтяжкой.

Но вот однажды наступил судьбоносный год, когда все стало меняться. И в конце концов наступил крах.

Его друзья начали болеть, а потом умирать один за другим от вируса, о котором никто ничего не знал и у которого даже не было названия.

Казалось, что его друзья – красивые молодые люди с точеными чертами лица и пышными светлыми шевелюрами – превращались в изможденных, напоминающих призраков существ быстрее, чем он успевал написать их портреты. Они ложились в больницы и уже никогда не выходили оттуда. Вместо вечеринок он вынужден был ходить в омерзительные похоронные конторы, где отвратительно пахло лилиями. Он стоял где-то в задних рядах и наблюдал за тем, как родственники, приехавшие из других мест – откуда-нибудь из Кентукки или Миссисипи, – с душераздирающими рыданиями, которые могли растопить даже самое ледяное сердце, прощались со своими умершими сыновьями. Это были талантливые, творческие натуры, покинувшие родной кров, чтобы стать певцами или актерами. И вот они безвозвратно сгинули, а вместе с ними и жизнь, которая, по мнению Джонатана, должна была длиться бесконечно.

Вслед за этим и у Джонатана началось какое-то тяжелое скоротечное заболевание, от которого он в считанные месяцы лишился зрения. Сначала он перестал различать газетный текст, потом не смог прочесть меню в ресторане. А затем и перестал писать, но не потому, что у него не было идей, а потому, что уже было трудно видеть наносимые на холст контуры. И как только его агент понял, что Джонатан больше не в состоянии ничего создать, его популярность сошла на нет, поскольку молва об этом быстро распространилась в художественных кругах.

Он ослеп! Для художника, по его мнению, это было хуже смерти. По статусу он превратился в калеку-невидимку. В мгновение ока он стал одиноким обитателем съемной квартирki, который нуждался в помощи посторонних практически во всем, что касалось повседневной жизни.

Горечь, которая переполняла Джонатана в тот гиблый период, уже

никогда не отступала. С тех пор у него во рту навсегда остался едкий привкус желчи. Все его раздражало. Непрошенные телефонные звонки, телевизионная реклама, невозможность быстро открыть пузырек с таблетками. Иногда по ночам он буквально заставлял себя вспоминать прошлую жизнь и то, что она вообще у него была, поскольку осталось слишком мало свидетелей того времени.

Как же он здесь оказался, в этом шумном третьеразрядном доме, где обитали только нелегальные иммигранты да торговцы наркотиками? Он подумал, что бы сказали его друзья, увидев его здесь, вынужденного платить посыльному за доставку дешевой китайской стряпни.

Он уже практически не выходил из квартиры, лишь иногда, чтобы посидеть на стуле около входной двери и выкурить небольшую импортную сигару – одну из немногих оставшихся. Это было одно из нескольких еще доступных ему удовольствий.

Его повседневная жизнь ограничивалась постелью, ванной, стулом и сигарой раз в день. «Какой смысл так жить?» – спрашивал он себя.

И больше всего его беспокоило, что до сих пор не удалось найти ответа на этот вопрос.

* * *

По мнению Лупе, было хорошо, что ей нравились пожилые люди. Поскольку ей приходилось в основном проводить время именно с ними. Она все время была в обществе дедушки и бабушки. Она играла с дедушкой в подкидного дурака после ужина и слушала бабушкины истории, которые та рассказывала ей почти за полночь. Она отлично все их помнила. Одна из историй была про то, как бабушка с дедушкой встретились на свидании вслепую на деревенских танцах.

Тогда дедушка вошел весь в пыли после целого рабочего дня на строительстве дороги, а бабушка не хотела общаться с ним до тех пор, пока он не сходит домой переодеться и не вымоет голову.

Была еще одна история про то, как родилась мать Лупе: плод шел ножками вперед; роды продолжались целый день и ночь, совершенно обессилив бабушку. Та велела позвать священника и молилась, чтобы бог прибрал ее на небеса. Были истории о том, как мужья бросали своих жен, а потом возвращались обратно. А когда этого не случалось, судьба (бог, как говорила бабушка) их строго за это карала. Кто-то лишался ноги, в одночасье лысел или разорялся. Лупе никогда не надоедали эти истории и сюжетные линии, полные конфликтов, повествований об отваге и чести. В

бабушкиных рассказах добро всегда побеждало. Никто из героев не умирал, разве что когда-то потом, за пределами истории.

Лупе нравилось слушать нравоучительные выводы. Она становилась лучше, и бабушке это было отлично известно.

Друзья дедушки и бабушки были и ее друзьями. Пожилая миссис Гонсалес с каштановыми, почти бордовыми волосами, из квартиры номер 102, которая приходила к ним, опираясь на две трости, чтобы угостить свежими лепешками тортийя и местными сплетнями. Мистер Сантана из квартиры 109, у которого недавно умерла жена, выходивший к завтраку, чтобы выплакаться над чашкой утреннего кофе с молоком. В этот час он ощущал боль утраты сильнее всего, говорил он.

Дедушка с бабушкой отличались гостеприимством и общительностью, а Лупе часто приходилось встречать гостей. Ей нравились их искреннее поведение, морщинистые лица и умение говорить правду.

Но это не значило, что она не тосковала по друзьям-сверстникам. Особенно в школе, где она пока не нашла ни одной группы учеников, где бы стала своей.

Испаноговорящие девушки в ее школе казались старше Лупе, у которой в шкафчике все еще лежала мягкая игрушка-зверушка и которая все еще не носила бюстгальтера. Эти девушки смотрели на нее с презрением, конечно, если замечали.

«Лупе у нас все еще малолетка из начальной школы, верно, Лупе?» – спросила одна из самых бойких и развязных девушек по имени Рита, когда Лупе проходила мимо их стайки в холле, а те в это время надували пузыри из жевательной резинки. «Нет», – просто ответила Лупе и постаралась как можно быстрее прошмыгнуть мимо, чтобы они не заметили ее поношенного, с небольшой дырочкой на спине, платья, которое выстирала и выгладила бабушка, или ее старомодных туфель, купленных в дешевом магазинчике.

А Лупе нравились заносчивые светловолосые девочки, которых в школе было большинство, – дочери состоятельных городских дантистов и врачей, напоминавшие принцесс.

У этих девочек были такие же красивые матери, подъезжавшие прямо к тротуару у школы в спортивных машинах, откуда выходили дочери с чувством собственного достоинства и благоухая духами. Одна из таких, по имени Бри, была настолько хрупкой, самоуверенной и прекрасной, что Лупе невольно представляла себя в роли ее подруги. Бри была олицетворением успеха в обществе – в школьной столовой девочки всегда оставляли для нее свободное местечко во главе особого столика. Она была

законодательницей школьной моды – в этом году в моде были короткие черные юбки с оборками и облегающие топы, не доходящие до талии; популярностью также пользовались фильмы, книги и телешоу, которые ей нравились. Она никогда не уставала и не унывала. Ее овальное лицо всегда было залито легким румянцем, а голубые глаза чуть подчеркнуты макияжем. Лупе никогда не видала, чтобы у Бри вдруг высыпали неприглядные прыщики, которые иногда бывали у нее.

Как-то вечером Лупе набралась смелости и сказала Бри:

– Мне нравится цвет твоей блузки.

Блузка была нежно-голубого цвета, словно небо над ее родной мексиканской деревней. Но Бри лишь взглянула на нее так, словно та только что сказала самую большую глупость на свете.

Единственное, что могла сделать Лупе, так это не расплакаться.

Но затем ей вспомнился совет бабушки о неприятностях и о действенности позитивного мышления. Она постаралась придать лицу невозмутимое выражение и улыбнулась Бри, несмотря на мрачный, скептический взгляд девочки.

– И чего нашла *смешного* ? – спросила Бри у подружки, и обе с хохотом удалились.

Слова, которые мы произносим, обладают огромной положительной силой. Никогда не говори ничего плохого и не ругайся. Произноси только добрые слова, в которых много света». Это могут быть любые слова, на любом языке. Главное, чтобы они звучали по-доброму, и чтобы ты не хотела ничего дурного. Старайся видеть жизнь такой, какой ты хочешь, чтобы она была. Считай жизнь любимых людей благословением и светом.

В этом секрет жизни. Что-то, что всем известно, но о чем почти все забывают.

Глава III

Однажды после школьных занятий Лупе съезжала на велосипеде со склона горы, длинные волосы развевались от сильного ветра. Стояла страшная жара, воздух был влажным. Температура выше 90 по Фаренгейту, но Лупе напевала песенку, а слова уносило прочь порывом ветра.

Она остановила велосипед перед низким кирпичным зданием, где находилась одна из местных библиотек. Она вошла в компьютерный класс, села перед монитором и ввела в строку поиска имя Джонатана. И просто глазам своим не поверила, когда на экране появилось его изображение в молодости. Это был он, но более счастливый, с темными волосами, не таким изможденным лицом и со смешинками в глазах. Там были целые страницы материалов о его творчестве и жизни. Лупе прочла все залпом.

«Прославившись как художник, Джонатан Лэнгли является также и признанным мастером репродукции, который более чем за двадцать лет расширил границы традиционного искусства репродукции в самых неординарных направлениях.

Репродукция его самой знаменитой картины «Танцующий бродяга», отличающейся насыщенной цветовой гаммой, смелостью стиля, реалистичностью изображения, остается первой по числу продаж из всех его произведений с самого момента ее появления».

Лупе кликнула мышкой по изображению картины на экране. На картине был нарисован мужчина, который стоит ночью на углу безлюдной улицы. Он был длинноногим, как Джонатан, у него были резко очерченные черты лица и пухлый рот. И только рука вскинута в изящном жесте танцора. Это была прекрасная картина, которая навевала воспоминания.

Лупе продолжала кликать мышкой и читала дальше: «К сожалению, поразительная творческая деятельность Лэнгли трагически оборвалась из-за тяжелой, приведшей к инвалидности болезни, поразившей его в сороковых годах. В настоящее время художник совершенно слеп... проживает где-то в районе залива Сан-Франциско. С начала болезни он не создал ни одного нового произведения».

Кто-то нарочито громко кашлянул у Лупе за спиной. Она оглянулась и увидела, что за ней стоит Бри, и вид у нее весьма нетерпеливый. На ней были черная юбка, облегающий топ и блестящие ожерелья из черных витых шнуров на шее.

– Может, соизволишь сказать, надолго ли ты тут застряла? Мне нужно заняться докладом по социологии!

Лупе взглянула вокруг: все компьютеры были заняты. Работающие за ними школьники пришли примерно за пять минут до нее. Почему Бри не обратилась к кому-то из них? Однако она отогнала от себя эту мысль и улыбнулась Бри.

– Я сейчас закончу. Уже почти все сделала. Извини, что задержала!

Она распечатала на принтере статью о Джонатане, затем быстро собрала книги, чтобы уступить место Бри. Та уселась, не удостоив Лупе взглядом, и даже спасибо не сказала.

Лупе намеренно немного задержалась, словно надеялась, что с ней заговорят. Но Бри только махнула длинными золотистыми волосами. Стоя у нее за спиной, Лупе исподволь наблюдала, как Бри заходит в Facebook.

Бри заметила, что за ней наблюдают, и самодовольно ухмыльнулась.

* * *

Вернувшись домой, Лупе увидела, что Джонатан сидит у двери своей квартиры, откинувшись на спинку стула и куря небольшую сигару.

– Кто это?

Лупе промолчала, какое-то мгновение рассматривая Джонатана, словно сравнивая его с той картиной, что видела утром.

– Вы бы не курили! – сказала она.

– Это кто говорит?

– Лупе.

– Ну что же, Лупе, не лезь не в свое дело, – произнес он, выдохнув темное колечко дыма прямо ей в лицо.

– Воздух принадлежит всем, – серьезно сказала Лупе.

– Ох, уволь от наставлений. И кстати, что ты здесь делаешь наверху? Разве ты тут живешь? Ты мне вроде знакома. Ты не пользуешься духами с розовым ароматом?

– Нет! – ответила Лупе, словно на оскорбление. – Я вообще не пользуюсь духами.

– А может, это шампунь. Или ты сама так пахнешь.

Он не стал говорить, что когда чувствовал этот запах в воздухе, то одновременно видел слабый серебристый блеск.

– Я живу здесь с бабушкой и дедушкой, – сообщила ему Лупе. – Это в квартире напротив.

Джонатан глубоко вдохнул сигарный дым.

– Что ж, возможно, это интересно! Ты учишься на медсестру?

– Медсестру?

– Впрочем, неважно.

Он стряхнул пепел от сигары в пепельницу.

– Кстати, какую бы фигню твоя бабушка вчера ни жарила, запах у меня в квартире стоял весь вечер.

Лупе промурлыкала пару нот себе под нос.

– Что это?

– Бабушка мне велела петь это каждый раз, когда кто-то ругается.

Джонатан издал отрывистый смешок.

– Ну, фигня – это вряд ли ругательство. Если хочешь услышать ругательства...

Лупе быстро снова запела песенку.

– Перестань!

Лупе подошла и стала совсем близко.

– А что за гадкую сигару вы курите?
– Это дорогой сорт, вот какую!
– Пожалуйста, прекратите! Моему дедушке и так трудно дышать.
– Это его проблемы.
– Но от вашего курения пострадает наша дружба!
– Дружба? – Он расхохотался. – А лет-то тебе сколько?
– Одиннадцать.
– Что ж, ты для меня немного молода, дорогуша.
– А вам сколько лет?
– Двести двенадцать!
– Вы слишком старый, чтобы курить. Но, раз мы друзья, я вам помогу!
Лупе спокойно забрала у Джонатана сигару и направилась вниз по лестнице.

– Эй, ты что вытворяешь? А ну верни!
Он водил руками по воздуху, пытаясь схватить сигару.
– Я же слепой. Я тебя не вижу!
– Знаю, – ответила Лупе, продолжая спускаться.
– Ты, маленькая негодница, верни сейчас же!
– Все в порядке. Можете кричать сколько угодно. Мы все равно подружimsя. Я припасла для вас много хорошего!
– Это ты о чем?
– Прости-прощай, гадкая сигара!
– Ты, маленькая чертовка, ты о чем говоришь?
Но Лупе уже была внизу, по-прежнему напевая себе под нос. Она унесла сигару далеко на улицу по аллее, а там растоптала ее каблуком.

* * *

Бабушка была для Лупе и доверенным лицом, и советчицей; тем человеком, который и направлял, и воодушевлял ее. У нее всегда находился совет на любой случай жизни, причем обычно по каждому случаю она еще и рассказывала какую-то личную историю.

Когда в школе одна из учениц обругала Лупе, бабушка рассказала ей о мальчишке, которого все обижали, а он вырос и стал преуспевающим адвокатом, защищал людей, которые не могли сами за себя постоять.

Однажды Лупе подралась с мальчишкой, который хотел стащить ее кошелек; после этого бабушка научила ее специальному приему, она научилась выворачивать руку в запястье, так что в следующий раз парень выронил кошелек, закричав от боли и удивления. «Этим приемом можно также пользоваться, если нужно быстро убежать», – объяснила ей бабушка.

Судя по всему, у бабушки был богатый жизненный опыт, и она всегда знала, что и когда нужно делать.

Это она научила Лупе петь песенки при встрече с чем-то неприятным. Она считала негативные эмоции мощной силой; заразной, как болезнь, с которой необходимо начинать борьбу мгновенно, не оставляя ей ни малейшего шанса на проникновение в душу.

Любимая песенка Лупе начиналась так:

Где-то в самой глубине души моей
Есть бездонный с любовью колодец;
Ты себе, если хочешь, налей;
И оттуда доброту бесконечно я черпаю.
И она тогда сердце мне переполняет,
Тело, ум и естество; всех вокруг обогревает.
И чем больше я даю,
то тем больше получаю.
И тем больше я должна
окружающим, я знаю.
Мой источник никогда,
ни за что не иссякает^[3].

Лупе пела эту песенку столько раз, что уже выучила ее наизусть.

– Помни, у каждого в голове есть умный глаз. Если ты стараешься разглядеть им что-то, то это входит в твою жизнь, – учила бабушка Лупе. – Слова, которые мы произносим, обладают огромной силой. Никогда не говори ничего плохого и не ругайся. Произноси только добрые слова, в

которых много света.

– Испанские или английские? – попыталась уточнить Лупе.

Бабушка рассмеялась и обняла внучку.

– Это совсем неважно, цветик ты мой маленький! Любые слова. Главное, чтобы они звучали подоброму и чтобы ты не хотела ничего дурного. Старайся видеть жизнь такой, какой ты хочешь, чтобы она была. Считай жизнь любимых людей благословением и светом. В этом секрет жизни. Что-то, что всем известно, но о чем почти все забывают.

От обнимавшей ее бабушки пахло потом и тальком. Если Лупе вдруг становилось страшно ночью, она обхватывала бабушку за шею крепко обеими руками и сильно прижималась к ней.

Я пускаю в свой мир только хороших людей, ведь они – мое отражение в зеркале...

** * **

Видите, вот вы и бросаете курить. Вот, вы уже и ругаетесь меньше.

Глава IV

И снова знойный, угнетающий своей жарой день.

Лупе сидела под зонтом со стаканчиком лимонада под вывеской, на которой было написано: «Лучший лимонад в городе». Перед этим она проехала весь путь до торгового центра на велосипеде, хотя бабушка и считала, что там слишком дорого для малоимущих людей. Лупе купила лимоны, фунт сахара в пакете, чистой питьевой воды. Она стояла на кухне, а бабушка показывала ей, как вкуснее приготовить лимонад:

– Дома мы всегда пьем *agua de limon*^[4] комнатной температуры, но в Америке людям нравятся холодные напитки. Поэтому нужно положить побольше кубиков льда и постоянно добавлять новые, иначе никто не станет покупать.

Через полчаса перед Лупе стоял кувшин, где было несколько кварт лимонада.

Она улыбнулась бизнесмену, который быстро прошагал мимо, что-то сердито говоря по мобильному телефону. Но он даже не взглянул в ее сторону. Не обратили на нее внимания и другие, кто прошел следом – подросток-джоггер, женщина среднего возраста в облегающем белом платье с гарнитурой Bluetooth на голове, которая, если смотреть со стороны, словно спорила сама с собой.

Неподалеку у фонаря остановился джип, в котором было полно старшеклассников. Один из них насмешливо посмотрел на Лупе.

– Эй, чикита! – выкрикнул кто-то из них, словно выругался.

Солнце сменило положение, день все не кончался. Бабушка Лупе посмотрела на нее из окна и уже собиралась позвать девочку, но не стала.

У Лупе на спине платье прилипло к телу мокрым квадратиком, пот

струйками начал стекать по щеке. Но она продолжала улыбаться. На столе перед ней лежал лист бумаги с надписью: «На добрые дела», которую она слегка закрывала рукой.

Лупе зажмурилась и прошептала:

– Я пускаю в свой мир только хороших людей, ведь они – мое отражение в зеркале.

Она широко открыла глаза и огляделась. Сейчас тротуар был безлюден. Лишь черная собака на мгновение остановилась, чтобы понюхать ее туфлю, а затем суетливо потрусилась дальше.

Наконец, когда Лупе уже решила сдаться и собралась уходить, начали появляться покупатели. Подъехала машина. В ней в духоте и тесноте томилось целое семейство. Они остановились, и каждый заказал по стакану лимонада.

– У нас кондиционер только что сломался, – объяснил отец семейства.

Подъехали мальчишки на велосипедах, подошло еще несколько ребят, которым было жарко и хотелось пить, они расплатились мелочью.

К тому времени, когда у Лупе закончился лимонад, солнце уже было низко над горизонтом. А пакет для монет был почти полон.

* * *

Лупе поднялась по лестнице на второй этаж, неся сложенный столик. И наткнулась на Джонатана. Он сидел за дверью своей квартиры в коридоре, уже почти докурив еще одну сигару.

– Снова здравствуйте, мистер Джонатан!

Он подпрыгнул:

– Боже, не подкрадывайся ко мне так!

И прижал сигару к груди.

– Даже и не вздумай отнять ее у меня!

– Не буду.

– Я все равно уже закончил.

Он потушил окурок сигары о блюдце.

– Видите, вот вы и бросаете курить, как я и говорила.

– Я и не бросал, ты, маленькая...

Он замолчал, прежде чем Лупе успела ответить.

– И я больше не желаю слышать эту твою дурацкую песню.

– Вот, вы уже и ругаетесь меньше.

– Знаешь, ты меня достала! Ты опасна. И я собираюсь пожаловаться твоим дедушке и бабушке. Как бишь их там зовут?

– Хуана и Рауль Салдана. С.А.Л. Д.А.Н.А.

– Какое ужасное имя! Слишком много А.

Лупе не обратила на него внимания и достала пакет с деньгами.

– Я только что закончила продавать лимонад. Заработала двадцать восемь долларов двадцать пять центов.

– На лимонаде?

– Ну, еще чаевые.

Она придвинулась поближе к нему, словно хотела поделиться секретом:

– Мне нужны деньги для особенной цели. На мое *quinceañera*.

Джонатан состроил гримасу:

– А это что такое? Какое-нибудь ваше пахучее блюдо?

– Это очень большое торжество, когда мне исполнится пятнадцать лет. Значит, я стану женщиной. На празднике в мою честь будут петь серенады, я надену длинное бальное платье и возьму букетик цветов и все такое.

– А я думал, тебе еще только одиннадцать.

– Да, но мне скоро уже двенадцать. И мне нужно уже сейчас начинать копить деньги. Я должна купить самое красивое платье. Я подрабатываю. Может быть, и у вас для меня работа найдется?

– И что ты будешь делать, только досаждать мне? Ты с этим и бесплатно справляешься.

– Серьезно, – произнесла Лупе. – Вам действительно нужна помощь.

Джонатан вздрогнул, будто от боли, пронзившей его при этих словах.

– Некоторые слепые люди заводят собак, – сказала она.

– Хочешь стать моей собакой-поводырем?

– Нет, поводырем Лупе.

– Ты мне не нужна.

– А я вам уже помогала. Сегодня утром я заменила у вас электролампочку. И я принесла посылку, что оставили снаружи. А вчера я принесла вашу почту и газету.

– Ну, я-то тебя ни о чем не просил, – ответил Джонатан.

– Я знаю, я сама хотела помочь.

Лупе подошла к своей квартире и открыла дверь.

– Хочется, чтобы вы были счастливы.

И она закрыла дверь.

Джонатан остался сидеть на стуле. «Счастлив?» – Он покачал головой, и лицо перекошилось, словно от боли.

* * *

Лупе вывела Джонатана из одного из его приступов задумчивости. Он снова мысленно переживал путешествие, совершенное со своим партнером

Джорджи в Венецию на его двадцатипятилетие – поистине золотое путешествие, из первых их совместных поездок, когда Джонатану доставляло истинное удовольствие показывать юноше из Индианы место, которое он сам считал одним из чудес света. Они любовались произведениями искусства во Дворце дожей, пили вино на площади Святого Марка, и, скользя по тихим каналам города в гондоле, вслух читали отрывки из «Венецианского купца». Джонатан подумал, что Джорджи потеряет сознание от восторга, впервые увидев Гранд-Канал.

«Ты понимаешь, какая это старина?» – твердил он. У него порозовело лицо от волнения. На глаза упали пряди рыжевато-коричневых волос.

Джорджи родился на Среднем Западе и, кроме Калифорнии, нигде не был. Джонатан учил его всему, что знал сам; показывал, как правильно выбирать вино к ужину, как произносить фамилию поэта Рильке; помогал разобраться в разнице между музыкой Моцарта и Шопена. И то, как Джорджи это воспринимал, доставляло Джонатану огромное удовольствие.

«Без тебя я бы никогда ничего не узнал», – часто повторял юноша, обращая к Джонатану полный обожания взгляд своих светлых глаз, излучающих уважение и любовь.

Действительно, он был самым обворожительным молодым человеком из когда-либо встречавшихся Джонатану. Иногда тому даже не верилось, что ему так повезло.

И все же именно во время этого путешествия у Джонатана зародилось слабое предчувствие, что их отношения не могут продолжаться вечно. Джорджи, который был на двадцать лет моложе Джонатана, в конце концов наскучит художник, он найдет себе кого-нибудь помоложе и привлекательнее, разве не так? Мысль, что Джорджи может умереть раньше его, никогда не приходила Джонатану в голову. И все же его пессимистическая натура всегда словно ждала, что непременно случится несчастье.

Пессимизм он унаследовал от матери, которую называл самой негативно настроенной женщиной на свете. С его точки зрения, Белл Лэнгли родилась не в том месте и не в то время. Эта умная женщина никогда не училась в колледже, а прожила за городом, на ранчо, постепенно тупея от тоски и забот о двух детях, которые ни за что не хотели признавать ее представления о нормальном. Во-первых, Джонатан, с его излишней педантичностью во вкусах, его отвращением к спорту и пристрастием к дизайну и тканям. Во-вторых, его сестра Карла, которая очень рано созрела и взбунтовалась против матери сразу, как только смогла. И пока Джонатан сидел дома и занимался шитьем на швейной

машине, Карла проводила каждую ночь в компании с молодыми людьми и спала с каждым, кого ей удавалось соблазнить. Однажды Джонатану на глаза попала запись в блокноте, где она перечисляла свои завоевания на личном фронте, и он остановился на номере 41. Дальше читать не стал. Сексуальную неразборчивость дочери Белл воспринимала как личное оскорбление, как обвинение в плохом воспитании ребенка, как пощечину истинно верующей католичке с ее моральными устоями. Между матерью и дочерью происходили постоянные ссоры с криком и визгом. Ужасно громкие и сильные. Однажды из-за диких воплей у их двери появился краснолицый полицейский.

Отец, которого звали Генри, был другим – более терпимым, мягким и умеющим прощать. Но он был страшно занят на работе – просиживал все время, как в тюрьме, в своей риелторской конторе, тратя жизнь на то, чтобы заработать достаточно денег и прокормить эту ораву нечестивых родственников.

А Джонатан сидел за швейной машиной или рисовал на обратной стороне обоевых рулонов; совершал регулярные «набеги» на своего учителя из мастерской, почтальона или клерка из «Севенилеवन»^[5]. Он хотел как можно скорее уйти из дома. А мать и не думала притворяться, что будет тосковать по нему. Ее очень озадачивала женственная сторона его натуры.

– Мне больше не нужны шторы для кафе. Почему бы тебе не поиграть в мяч? Да выйди ты на улицу, ради Христа, и перепачкайся, что ли!

Она помогла ему устроиться в колледж раньше срока, когда он еще был старшеклассником. Один раз между ними произошла бурная сцена, когда она нашла у него под кроватью непристойные журналы. Правда, это был единственный раз, когда вслух упоминались его сексуальные предпочтения. И все же положение было ужасным.

– Ты маленький извращенец, я всегда это знала. Мне стыдно, что я твоя мать!

– А уж мне-то как стыдно! – крикнул в ответ Джонатан, захлопнув дверь у нее перед носом.

И все же он так никогда до конца и не смог разорвать узы, связывающие его с матерью. Иногда ему казалось, что он даже говорит ее голосом. И стоило ему подвести кого-нибудь, сказать колкость или сделать кому-то язвительное замечание, как ее образ оживал снова, словно Белл укоряла его... Почему он считал, что никогда не освободится от нее?

Он поклялся, что после той ссоры ни разу больше ей не позвонит. И сдержал слово. А когда ослеп, решил, что, может, стоит все-таки

возобновить общение, ведь он почти всех потерял. Но потом передумал. Если он не поддерживал с ней связь в благополучное, счастливое время, то зачем делать это сейчас, когда ему тяжело? А в обход нее с отцом он связаться не мог. За минувшие годы было всего несколько телефонных звонков по поводу кончины тети или кузины, но в остальном они стали практически чужими.

А о сестре он знал только, что она где-то в Сиэтле, работает на ферме, производящей экологически чистые продукты. Он с трудом мог себе это представить, но это было лучше, чем все, чем она занималась раньше. Если честно, то ему всегда было с ней ужасно скучно.

Вот, пожалуй, и все о семье.

В какой-то степени он был даже рад, что Лупе прервала его воспоминания.

«Впереди у меня только добро».
«Я люблю себя, и поэтому думаю обо всех с любовью, ибо знаю, что отдаю, то возвращается ко мне сторицей».

Глава V

Ближе к концу недели Лупе снова побывала в квартире Джонатана, на этот раз вытирала пыль со всяких безделушек, пока он сидел за столом, подписывая репродукции. Его квартира ей понравилась, с рядами книг, любопытных артефактов и десятками картин, многие из которых были завешаны тканью.

Уборка у нее продвигалась медленно, потому что она внимательно рассматривала каждый предмет и не могла удержаться от расспросов о многих из них.

– Это яйцо – оно что, из настоящего мрамора?

– Я плачу тебе за уборку!

– Ну скажите!

– Да, я купил его в Греции!

– В Греции, – повторила Лупе таким тоном, что было ясно, она не знает, где это.

– Да, в Греции. Колыбели цивилизации. Я раньше ездил на Эгину^[6]. Это маленький остров в Средиземном море. К юго-западу от Афин. Вас что, не учат географии? Знаешь, как добраться до Лос-Анджелеса?

– У нас нет географии, – ответила она.

– Серьезно?! И английского тоже, судя по твоей речи.

– А что это за голая леди без рук?

– Это Венера Милосская, одна из самых знаменитых статуй в мире.

Лупе молча рассматривала статую.

– Мне нравится вот эта, с крыльями сзади.

– Это крылатая богиня победы^[7], – объяснил Джонатан, продолжая подписывать репродукции. – Там в конце на полке есть книга по

всемирной истории искусства. Почему бы тебе не взять ее домой и не почитать, раз уж так интересно? Но сначала выполни ту чертову работу, за которую я тебе плачу. И никаких песен!

– Правда, можно взять, вы разрешаете?

– А какой мне теперь прок от книг?

Лупе нашла книгу и нерешительно подержала ее в руках.

Джонатан поднял голову, словно пытаясь различить, где она.

– Лупе?

– Да?

– Как думаешь, сможешь отнести эти заказанные репринты? Раз в две недели мне привозят огромную пачку на подпись. Некоторые из них достаточно большие.

– Да, я справлюсь, я сильная.

– А как у тебя со временем?

– Ну, я учусь в школе.

– А пропустить сможешь? Это важнее.

Лупе рассмеялась:

– Я приду сразу после занятий, обещаю.

– А в какой школе учишься?

– Милосердия Пресвятой Девы.

– А учит кто – монашки?

– Ммм-хм.

– По-моему, монашки ужасны.

– А мне они нравятся.

– Они тебе нравятся? Да, придется с тобой поработать!

Когда Лупе закончила уборку, Джонатан протянул ей немного денег.

– Ступай, почитай книжку.

* * *

На следующий день Лупе открыла дверь, услышав, как Джонатан кричит на кого-то по телефону.

Она тихо вошла.

Джонатан в халате яростно бегал по комнате, держа в руке незажженную сигару.

– О договоренности не может быть и речи! Я никому не позволю использовать мои работы без разрешения! Категорически. Исключено!

Лупе зашла в ванную и начала уборку.

– Нет, к черту это. Я сказал «нет»!

За чисткой раковины Лупе запела одну из своих песенок. Неожиданно

она замедлила работу. Вошла в гостиную, а Джонатан все продолжал браниться:

– Мне дела нет, что это больница! Они требуют плату за свои услуги, и мои тоже не бесплатные!

Лупе слегка толкнула его локтем.

– У вас есть бумага для записок? – шепотом спросила она Джонатана.

Он прикрыл телефонную трубку рукой, раздраженный, что его перебили.

– Там, на столе. И больше меня не перебивай. И ничего не передвигай! А то ничего не найти потом!

Лупе взяла пачку бумаги для записок со стола и написала по-испански: «Впереди у меня только добро». И приклеила листок к стене. Затем начала писать и на других листочках. Под конец она вернулась и приклеила записку посередине зеркала в ванной комнате.

Она отступила и взглянула на себя в зеркало. Пригладила непослушные волосы, посмотрела себе в глаза.

Джонатан перестал говорить по телефону. Но все еще что-то бормотал себе под нос.

– Мистер Джонатан?

– Что?

– Я знаю, что вы слепой, но вы имеете представление, как я выгляжу?

На мгновение он повернулся к ней:

– А почему ты спрашиваешь?

Она покраснела.

– Мне просто было любопытно. Бабушка говорит, что я привлекательная. Но только она. А девочки в школе не слишком хорошо ко мне относятся. Вот я и подумала, может, все потому, что я безобразная?

– Ничего не безобразная, можешь мне поверить!

– А вы откуда знаете?

– Просто знаю, и все. Вокруг тебя аура. И она не безобразна.

– Аура? Кажется, бабушка упоминала как-то это слово.

– Ага, разумеется. Поди сюда. Дай ощупать твое лицо.

Лупе подошла прямо к нему и позволила ему провести длинными пальцами вдоль контуров лица.

– Я когда-то был художником, так что в лицах разбираюсь.

Он продолжал ощупывать ее лицо, поглаживая пальцами, пока не дошел до лба.

– Смотри, лицо следует делить на три равные части по горизонтали. Это хорошо знал Леонардо да Винчи. И даже древние греки-математики. У

тебя как раз такое лицо. С безупречными классическими пропорциями. Другими словами, Лупе, ты очень хорошенькая, и не верь, если тебе скажут что-нибудь другое.

Лупе взглянула на него так, словно вот-вот расплчется.

– Спасибо. Пойду, пожалуй.

Она вышла из комнаты. А когда закрыла дверь, то Джонатан услышал как она воскликнула: – Классические!

* * *

На той же неделе Лупе стояла в школьной аудитории на занятиях хора среди популярных девочек.

Когда монашка начала исполнять ведущую партию в «Как ты велик», сопрано Лупе звучало необыкновенно чисто и сильно.

Это вызывало ухмылки у всех девочек, которых в школе любили, особенно у Бри, которая даже глаза закатывала от смеха. Лупе стояла в одиночестве в отдельном ряду, там, где на концерт обычно покупают дешевые билеты, а другие девочки сгрудились в стайку вокруг Бри, которая, судя по всему, была среди них заводилой и подстрекательницей в насмешках над Лупе.

После первого псалма монашка постучала дирижерской палочкой.

– Девочки, встаньте рядом! Почему все разбрелись? Пожалуйста, все сопрано, встаньте вместе! Начнем!

Популярные школьницы посмотрели на Бри, которая опустила глаза, пока они неохотно занимали певческий ряд.

Лупе сделала вид, что ничего не замечает. Она вежливо улыбалась одними губами и бормотала, чтобы никто не слышал:

– Я люблю себя и поэтому думаю обо всех с любовью, ибо знаю, что отдаю, то возвращается ко мне сторицей.

* * *

Тем вечером в квартире у Джонатана, пока тот стоял у окна, Лупе убирала в шкафчик разную бакалею, что купила ему.

– Мистер Джонатан?

– Да?

– Мне вот всегда было любопытно...

– Что?

– Почему так много ваших картин закрыты листами бумаги, чтобы их не было видно?

Услышав вопрос, Джонатан нахмурился.

– Когда в следующий раз пойдешь в магазин, купи немного клейкой ленты, чтобы залепить тебе рот, если тебе вдруг вздумается задавать подобные нелепые вопросы.

– О'кей.

Джонатан вздохнул.

– Во-первых, я их все равно не вижу. Во-вторых, не хочу, чтобы они испортились от сигарного дыма или солнечного света.

– Не слишком убедительные причины, – сказала Лупе. Она придвинулась к столу Джонатана, где находилось особенно большое занавешенное тканью полотно. – И, кроме того, вы же здесь даже не курите.

– А зачем ты суешь свой нос в чужие дела? – произнес Джонатан, двигаясь в ее сторону. Когда он понял, где она стоит, то остановился и какое-то время стоял молча.

– Эта, что у меня над столом, – это Бо, моя собака. Он был самым умным и верным...

– Был? Его больше нет?

– Нет.

– А что на той картине рядом?

– Мои родители.

– Их тоже больше нет?

– Их нет, но они живы. Живут во Флориде. В Бока-Ратон, но это практически одно и то же.

– Вы их разве не навещаете? – спросила Лупе.

– Нет. Много лет назад я поссорился с матерью. Я никогда ее особенно не любил, да и она меня тоже. Мы все эти годы совсем не общались.

– Грустно, – сказала Лупе. – А мне бы хотелось повидаться с родителями.

Джонатан замялся:

– Я как-то не думал, что у тебя есть родители. Считал, что тебя воспитывают дедушка с бабушкой.

– И все-таки у меня есть родители. Они у всех есть.

– А тогда почему ты живешь с бабушкой и дедушкой?

Лупе отвернулась:

– Может, вам тоже не помешает клейкая лента.

Джонатан хмыкнул:

– Туше. Ты хоть знаешь, что это означает?

Лупе отрицательно покачала головой и только потом поняла, что он же ее не видит.

– Нет.

– Это значит, ты в меня попала, словно укол шпагой.

Джонатан отвернулся и пошел на кухню. Поставил чайник, чтобы приготовить чай.

– А как насчет картины, что висит у вас в спальне?

Джонатан выключил газ и на секунду задумался.

– Это один из моих... Жена...

– О, а ее тоже уже нет?

Джонатан утвердительно кивнул.

– Она во Флориде?

– Нет, умерла. Сначала она, потом и наш малыш.

– Ребенок?

– Нашим ребенком был Бо. По крайней мере, мы так к нему относились.

Лупе смутилась:

– Хотите сказать, у вас с женой не могло быть собственных детей? У меня когда-то была знакомая леди. Она делала всякие уколы в больнице, а потом ей внутрь клали всех этих крохотных существ, которых они делают в пробирках. Но ничего не вышло.

У Джонатана на лице застыло странное выражение. Он сокрушенно покачал головой.

– А Бо был похож на вас? – спросила Лупе. – Вот моя собака Бонита, как говорили, была очень похожа на меня.

Лицо Джонатана просветлело.

– Не думаю. По крайней мере, такого никто не говорил. Это был боксер. Желтовато-коричневого окраса. Весь мускулистый. А что случилось с Бонитой?

– С ней ничего не случилось. Она осталась в Мексике.

– В Мексике? – сказал Джонатан. – Так вот ты откуда?

– Да, – кратко ответила Лупе. В первый раз оказалось, что есть темы, на которые ей не хочется говорить.

– И это там остались твои родители?

– Да, с Бонитой и остальными. А почему бы вам не завести другую собаку?

Джонатан задумался.

– Я не смогу о ней заботиться, – быстро ответил он. – Я и о себе-то практически позаботиться не могу.

– Так мне бабушка говорит, когда я прошу снова завести собаку.

– Что именно?

– А кто о ней будет заботиться?

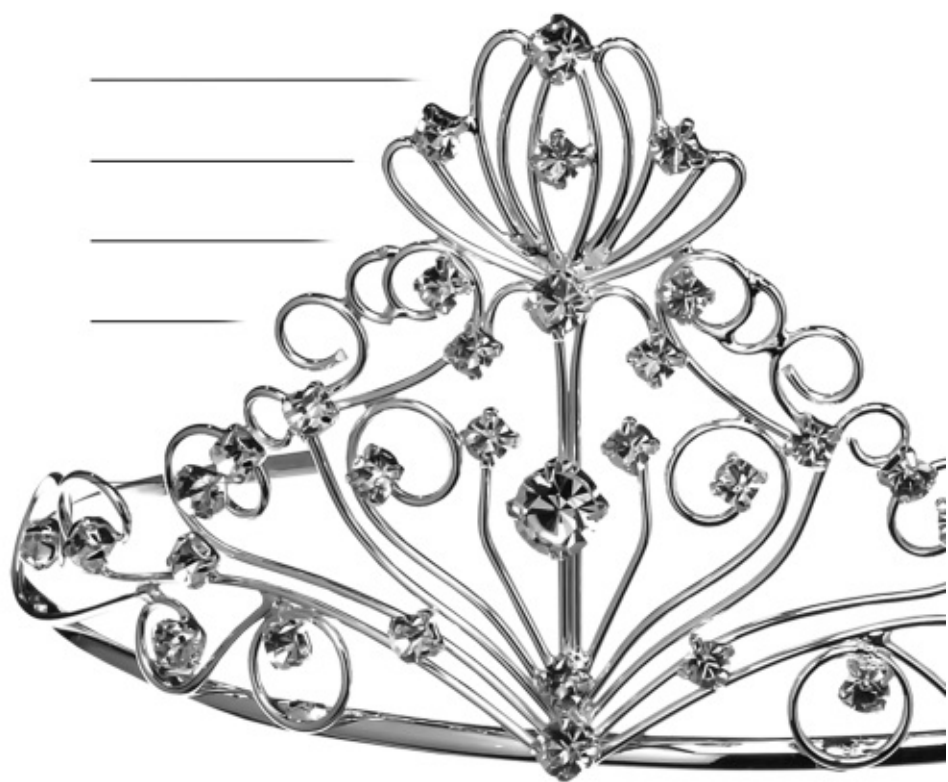
Казалось, Джонатан смутился:

– Ну, ты будешь заботиться, верно?

Лупе вышла в холл и вдруг исчезла из виду.

Это пицца, достойная королей. Мне нравится, потому что я это заслужила.

Глава VI

На следующий день вечером, возвращаясь домой из школы на велосипеде, Лупе проехала мимо одного из самых красивых особняков города. Это было старинное здание Викторианской эпохи с кружевной резьбой по цоколю цвета имбиря и фасадом бледно-желтого цвета. Из всех домов в городе этот нравился Лупе больше всего.

Когда она проезжала мимо, то старалась ехать помедленнее и представляла, каково это – жить в таком просторном доме, с огромным, изумрудным от зелени двором и бассейном, едва различимым за живой изгородью из вечнозеленых растений. В окно гостиной ей были видны канделябр и два огромных портрета, висевшие рядом – матери и дочери, похожих, как двойняшки. Даже вещи, которые они выбрасывали на помойку, были лучше тех, чем владела Лупе, – прекрасные прочные плетеные стулья, лишь слегка поврежденные куклы и коробка для шахмат с фигурами, даже не распакованная. У нее так и чесались руки, чтобы подобрать все это, но она делала над собой усилие и уезжала.

Сегодня, когда она снова ехала мимо, она увидела, как мать и дочь выезжали в сверкающем черном автомобиле, в салоне которого громко играла музыка. Это оказалась Бри с матерью, которая была просто постаревшей копией дочери – обе в легких спортивных брюках и с «конскими хвостами» на голове. Лупе пристально наблюдала за ними, когда проезжала мимо.

Мать спросила:

– Ты ее знаешь?

– Бог мой, нет, – ответила Бри. – Она просто учится в моей школе.

– Эти испанцы часто бывают наводчиками, сначала все высматривают, а позже возвращаются и грабят.

Бри усмехнулась, и взгляд у нее был точь-в-точь как у матери:

– Кто бы сомневался!

– Надеюсь, вы с ней не подруги. С такими ты ведь не знаешься, верно?

– Разумеется, нет. Она просто смешна.

* * *

В квартиру, где жил Джонатан, Лупе пришла с покупками, пакетами репродукций и почтой. Постепенно устанавливался определенный порядок. Теперь Джонатан оставлял дверь открытой, поэтому Лупе уже не нужно было стучать.

– Не знаю, по карману ли мне твои услуги, – сказал Джонатан, в очередной раз составляя для нее список продуктов, которые нужно было купить.

– Вообще я беру недорого. И потом, я ведь могу делать что угодно: и убираться, и покупать продукты. И если захотите, могу еще и готовить...

– Спасибо, нет. Это все, что нужно. Не хватало мне еще обвинений в эксплуатации детского труда и нарушении законов.

– Я не ребенок.

Джонатан повернул голову в ее сторону.

– Разумеется, нет. Одиннадцать лет – это уже старость. Ты хоть представляешь себе, сколько *мне* лет?

– Пятьдесят пять.

– А ты откуда знаешь? – спросил удивленный Джонатан.

– Я про вас читала, в Гугле.

– Ах, так. И что еще тебе удалось выяснить?

– Да много чего. Что вы важный человек. Художник. Что вам не повезло. Что вы ослепли.

– Это я когда-то был известным художником.

– А это ничего не меняет, – сказала Лупе. – И потом вы снова начнете писать.

Джонатан издал недоверчивый смешок, наподобие собачьего лая:

– И как же у меня это получится? На случай, если ты не заметила, я живу в мире темноты.

– Вы все равно будете писать новые картины.

В дверь постучали, она распахнулась, на пороге стояла бабушка.

– Лупе, ты нам с дедушкой нужна.

Лупе направилась к двери.

– Прощайте, мистер Джонатан. До завтра!

Джонатан слегка помахал ей рукой, не двигаясь с места. Он сидел, уставившись незрячим взором в стопку репродукций, которые ему предстояло подписать. Произнесенные Лупе слова о том, что он снова будет писать, ошеломили и взволновали его.

* * *

У квартиры четы Салдана с жилищем Джонатана не было ничего общего. В воздухе витал запах, трудно поддающийся определению. По мнению Лупе, это было сочетание запаха пропитанной нафталином одежды, плавленого сыра и терпкого аромата ландышей. Ими пахнул бабушкин тальк, которым она пользовалась после того, как примет ванну.

На стене в гостиной висела одна-единственная картина – большая репродукция распятого на кресте Христа с кровоточащими ранами. Ее привезли из Мексики, как Лупе однажды сказали. Комната Лупе вообще-то больше была похожа на стенной шкаф – маленькая кровать зажата в самом углу, накрыта покрывалом ручной работы. Когда она вставала с постели, то выходила сразу в холл. У нее не было иного выбора. Старая комната ее родителей была такой же тесной, и в ней сразу же устроили кладовку: там уже сложили пылесос, старые чемоданы и медицинское оборудование.

Лупе помогала бабушке менять громоздкий кислородный баллон, который ее дедушка носил на груди. Он сидел в кресле-коляске, закрыл глаза, изможденное лицо было землистого цвета.

– Дайка я, – сказала Лупе, когда бабушка пыталась вставить трубки-респираторы обратно ему в нос. – Вот так, дедушка. Теперь тебе будет легче дышать. Вдохни поглубже! – сказала Лупе.

– *Gracias*^[8], дорогая, – ответил он тихим голосом изнуренного больного. Когда он несколько раз глубоко вдохнул через респираторы, то ему явно полегчало.

Лупе наклонилась и поцеловала его.

– Я тебя люблю, дедуля! Ты же знаешь! Лупе тебя очень любит.

По его сморщенному, как пергамент, лицу медленно катились слезы.

– Не плачь. Нет причин плакать!

– Лупе, ты просто ангел, – сказал он. – Это все поняли, едва ты родилась.

Лупе улыбнулась.

– А я слышала другое. Мама рассказывала, что весь первый год жизни я плакала, не переставая.

– Ты все равно мой ангелочек! – сказал дедушка.

Бабушка окликнула ее из кухни:

– Лупе, почему бы тебе не отнести что-нибудь на обед мистеру Джонатану? Судя по запаху, не похоже, чтобы у него дома вообще готовили!

– А он никогда и не готовит. Не знаю, как он умудрился не умереть!

* * *

Лупе принесла запеканку в алюминиевой фольге и поставила на стол.

Джонатан принялся:

– А это что такое?

– Ваш обед. Мы приготовили это у нас на кухне. Я заметила, что вы мало едите. Испанские блюда очень вкусные, и в них много белка.

– Правда? Так вот чем, оказывается, все время пахнет из вашей квартиры! Вкусными белками? А что там, собственно говоря?

– Карнитас^[9], свинина, тушенная в собственном соку, цыпленок с соусом моле из мексиканского шоколада, чили и пряностей. И небольшая порция севиче^[10].

Джонатан поморщился:

– Я собирался поесть немного крекеров с сыром, спасибо!

Лупе ничего не ответила, но ее молчаливое разочарование было красноречивее всяких слов.

– Может, я попробую это позже, – сказал Джонатан. – Просто сейчас я не голоден.

– Вы просто выбросите это на помойку, – сказала Лупе, разворачивая фольгу; достала тарелку и поставила ее перед ним.

– Удачная мысль!

– Я думала, что вы опытный путешественник, который пробовал кушанья по всему миру.

– Когда-то так и было.

Джонатан взял тарелку, очень аккуратно насадил кусочек карнитас на вилку, словно это была отравка. Откусил кусочек, медленно прожевал, откусил еще раз.

– Ты сказала, это утка?

– Нет, свинина в собственном жире.

– В собственном жире... Что ты собираешься сделать, устроить мне тромбоз? Это еще сильнее усугубит мое состояние.

– Дедушка все время это ест. И только посмотрите, как выглядит!

– Вот именно. Это я и имел в виду!

– Но ему ведь семьдесят один год! – в негодовании воскликнула Лупе.

– Неужели?! Ну, это впечатляет!

Он облизал пальцы.

– Неплохо!

– Попробуйте севиче!

– Не люблю ничего сырого.

– Но это другое. Это действительно вкусно.

– Ладно, съем кусочек! – Он откусил крошечный кусок. – Приправы вкусные, – сказал он, не переставая жевать. – Хотя вполне возможно, что всю неделю меня будет мутить.

Больше не говоря ни слова, он принялся за цыпленка с соусом моле.

– Здесь чувствуется шоколад. Джорджи и мне так и не удалось попасть в Мексику. Я всегда об этом жалел, – казалось, он разговаривает сам с собой.

Через пять минут тарелка опустела.

– Спасибо. Было вкусно. И любопытно.

Лупе так и сияла от гордости.

– Ну вот, в следующий рад согласишься сходить со мной в ресторан, то есть туда, куда я обычно раньше ходил.

– Это необязательно, мистер Джонатан.

– Знаю, но мне этого хочется. Разумеется, спросим разрешения у дедушки и бабушки. Я там не был уже целую вечность. Когда ты сможешь пойти? Как насчет пятницы?

– Хорошо, я спрошу у бабушки. Не знаю, отпустит ли она меня.

– А почему нет?

– В пятницу у меня день рождения!

– Да? И сколько тебе, десять?

– Мне исполнится двенадцать.

– А я даже и не помню, что испытываешь в двенадцать лет.

– Для меня собирались устроить вечеринку, но не раньше субботы.

– Ну, вот и отлично! Скажи бабушке, что она тоже может прийти.

– Да нет. Ей не нравятся слишком изысканные места.

Лупе собрала вещи и направилась к двери:

– Я дам вам знать.

* * *

Вечером в пятницу Джонатан стоял во дворе, ждал около такси с Уильямом, местным водителем. Это был лысый приземистый человек с выразительным, дружелюбным лицом.

Наконец, громко топая, по лестнице спустилась Лупе.

– У тебя там что, подковы?

– Это туфли моей матери, они хорошие. Она оставила их здесь. Слишком велики, но я набила их бумагой.

– Очень находчиво.

– *Hola*, Лупе! – воскликнул Уильям. – Ты сегодня чудесно выглядишь!

Джонатан повернулся к нему:

– Правда? Опиши, как она выглядит, Уильям.

– Ну, на ней синее платье с белыми цветочками и синий бант в волосах. Еще белые туфли со множеством ремешков.

Лупе села на заднее сиденье такси рядом с Джонатаном.

– Я побаиваюсь ехать в этот модный ресторан. Никогда прежде не бывала в таких местах.

– Задействуй свое позитивное мышление!

– Перестаньте подшучивать надо мной!

– Старайся, чтобы тебе самой все нравилось. Кажется, именно так ты говорила?

Лупе взглянула на него:

– А мне казалось, вы меня и не слушаете.

– Да нет, я-то как раз слушаю, – сказал Джонатан. – И не хочу, да время от времени прислушиваюсь.

– Он наклонился к шоферу: – Уильям, «Флер де Лис», у нас там заказан столик на семь часов. Но сначала давайте проедемся и осмотрим окрестности, мы выехали рано.

– Понял вас.

– Уильям возит меня с тех пор, как я ослеп, – объяснил он Лупе.

– Отлично. Иногда он и нас возит, – сказала Лупе. – Думаю, вы всех возите, верно, Уильям?

– Да нет, не всех. Только сливки общества, вроде вас двоих.

– Уильям раньше был актером, – произнес Джонатан громким театральным шепотом.

– Правда, Уильям?

– Сто лет тому назад. Еще до вашего рождения!

– А где вы играли?

– Телешоу, «Шоссе 66»^[11], «Гавайи пять-ноль»^[12]. Ты о них когда-нибудь слышала?

– Да, – ответила Лупе. – И о том, и о другом.

Уильям рассмеялся:

– Очень сомневаюсь, но врешь ты замечательно.

Он повез их в объезд, и в итоге поездка заняла больше часа.

Джонатан сидел, откинувшись на сиденье, пока Лупе охала и ахала при виде Чайнатауна, Рыбацкой верфи, Ситихолла и горы Ноб.

– Как много гор! – восклицала она.

Последнюю остановку они сделали на берегу океана.

– Можно задержаться здесь на минутку? – спросила Лупе.

– Разумеется!

Она открыла дверь и вышла.

– Что она делает? – спросил Джонатан.

– Просто стоит перед машиной, перед фарами.

– Что-нибудь разглядывает?

– Да, смотрит на воду.

Наконец, Лупе села в машину, принеся с собой аромат океана.

– Я никогда раньше не видела океана, – просто сказала она. – Только с самолета, когда смотрела вниз.

У нее дрожал голос, словно она плакала. Но Джонатану не хотелось ее расспрашивать.

– Ладно, Уильям. Теперь мы готовы. Поехали ужинать!

* * *

Для Лупе это стало вечером чудес, начиная с того момента, когда французский шеф-повар вышел к ним и поздоровался с Джонатаном за руку, а потом повел их через зал, отделанный роскошными драпировками, где стены были увешаны произведениями современного искусства, а на столах сверкал хрусталь. Лупе была словно в волшебном сне.

– Ну, скажи что-нибудь, – произнес Джонатан, когда они уселись за столик в отдельный уютный уголок.

– Словно для Папы или еще какого-то святого! – воскликнула Лупе, рассмешив Джонатана.

– Это каламари^[13] со сладким соусом, – объявил официант, принесший стопку поджаренных колечек в красном соусе, после того, как Джонатан сделал заказ из особого меню.

– Никогда не видела такого раньше, – сказала Лупе, внимательно рассматривая кусочек.

– Смотрите, здесь есть присоски и щупальца, как у осьминога и паука, вместе взятых.

Сидевшая позади них женщина с жемчужным ожерельем на шее неприязненно посмотрела на них.

– Это *и есть* разновидность осьминога, – тихо объяснил Джонатан. – Это кальмар.

– О-о! – разочарованно протянула Лупе и громко начала жевать кусочек. – А в салате бледно-зеленые кусочки чего-то, – произнесла она чуть позже.

– Дай мне один.

– Откройте рот.

Джонатан послушно открыл рот, и Лупе положила туда немного салата вилкой.

– Это артишоки.

– Ах, да! Я их дома видела. Такие красивые растения. А что это за белое мясо?

– Телятина.

– Это мясо какого животного?

– Неважно. Кроме того, здесь есть еще гарнир из брокколи. Тебе это полезно.

И пока Лупе, судя по всему, была целиком поглощена восхитительным обедом из четырех блюд, у Джонатана сложилось ясное ощущение, что она вообще ничего не ест.

– Лупе, ведь ты же не могла одна съесть все эти чесночные булочки? Где они?

– У меня с собой небольшой пакетик, тут, в сумочке. Я отнесу остатки домой. А то ведь здесь их все равно выбросят, если мы не доедим.

– В местах, подобных этому, так делать не принято.

– Ну а у меня принято!

– Так тебе понравилась еда? Ты так ничего и не сказала.

– Джонатан, это пища, достойная королей. Мне нравится. Но... она слишком хороша для меня.

– Нет, неверно. А то ты говоришь, как я.

– Но ведь это же правда!

– Нет, я хочу, чтобы ты сказала: «Мне нравится обед, потому что я это заслужила». Повтори!

Она улыбнулась:

– Ладно! Мне нравится обед, потому что я это заслужила.

– Ну вот и умница! С днем рождения, Лупе!

Луле посмотрела на него и рассмеялась:
– Спасибо!

«Я себе нравлюсь. Я живу целиком настоящим, нахожу хорошее в каждом моменте. Я знаю, что у меня светлое, радостное и обеспеченное будущее».

Глава VII

На следующий день утром Лупе убиралась, а Джонатан раскладывал продукты. Они двигались так слаженно, словно давно были вместе, как супруги, которые притерлись и привыкли к обществу друг друга.

– Вместо сырных крекеров я купила пшеничные, – сказала Лупе. – Во-первых, они были в продаже, и потом, они для вас полезнее. В них больше пищевых волокон.

– Спасибо, мамочка.

– И спагетти тоже, я купила из муки грубого помола, а не из рафинированной.

– Когда ты успела стать записным диетологом?

– У нас в школе есть занятия по диетологии! – гордо сообщила Лупе.

– Жаль, что к этому не добавили чуток географии.

Лупе продолжала вытирать пыль и закончила столом Джонатана.

– Я вам тут оставила приглашение.

– Куда?

– Сами увидите...

– Я-то как раз и *не* увижу. Как мне это прочесть, по-твоему?

– Вот так, – сказала Лупе. – Просто попробуйте.

Джонатан нащупал лист толстой бумаги. Это был строительный картон, на котором Лупе аккуратно вырезала текст, чтобы каждая буква имела выпуклые, различимые контуры.

– Это ты для меня сделала?

– Да, к моему выступлению в хоре.

На мгновение выражение лица Джонатана смягчилось, но затем он снова посуровел:

– Первое: я не люблю выходить. Второе: ненавижу хоровое пение.

– Почему?

– Когда хористы поют, они похожи на рыб.

– Я думала, вам это не видно.

– Зато я это *помню*, ясно?! И мне не нравится, когда в конце выступления дирижеры делают такое демонстративное движение, будто молнию застегивают, вот так...

Он сложил указательный и большой пальцы и провел рукой в горизонтальном направлении.

Лупе рассмеялась:

– Ну, этого вы тоже не увидите!

– Я помню.

– Можно просто послушать, как я пою. Вам понравится.

– Я всегда могу услышать твоё пение, стоит лишь выругаться. К чему платить за это и сидеть в зрительном зале?

– Вы уже давно не ругались, мистер Джонатан.

– Нечего мне об этом напоминать, ты, маленькая ду...

Лупе снова замурлыкала одну из своих песенок.

А потом достала из кладовки пылесос и включила его.

Джонатан заткнул уши.

– Иди куда-нибудь в другое место с этой штуковиной. У меня от неё голова раскалывается!

Лупе перешла в спальню. Когда она пылесосила около завешанной картины, что висела над кроватью на стене, то клочок ткани засосало в сопло пылесоса, и картина приоткрылась с одного угла настолько, что Лупе увидела – на портрете «жены» Джонатана был изображён мужчина.

Лупе остановилась. А потом её осенило. Когда она впервые приехала в Сан-Франциско, бабушка объясняла ей, кто такие эти мужчины, похожие на Джонатана. Она сделала это после их поездки в метро, где неподалёку от них сидела пара мужчин, и тот, что помоложе, поцеловал в шею того, который был постарше.

«Любовь есть любовь, – сказала она внучке. – У некоторых людей она такая. Не нам их осуждать. Они никому не причиняют вреда».

«Но бабушка, – продолжила разговор Лупе некоторое время спустя. – Они же самые красивые!»

«Так может показаться на первый взгляд, – ответила та. – Но ты увидишь вокруг много привлекательных мужчин, самых разных. И когда-нибудь ты встретишь одного из них».

Теперь Лупе была в этом не слишком уверена.

Она рассматривала картину ещё мгновение, затем вернулась в

гостиную, где Джонатан сидел за столом и подписывал репродукции.

– Мистер Джонатан?

– Что?

– Только не сердитесь. Но эта картина, портрет вашей жены на стене...

Джонатан отложил репринты в сторону:

– Что насчет нее?

– В пылесос случайно засосало клочок ткани.

Некоторое время Джонатан сидел, затем поднялся и направился в спальню. Следом за ним шла Лупе. Он откинул остальную часть ткани с полотна и сел на кровать.

На картине был изображен молодой человек лет двадцати, в элегантном парчовом жилете; светлые волосы были зачесаны назад, обнажив благородный лоб. В одной руке у него была изысканная флейта, и рука была вскинута в жесте, как у танцующего бродяги. А на заднем фоне в тени был нарисован человек более зрелого возраста, который, слегка отвернувшись, смотрел в окно. Впечатление от картины было загадочным и побуждало к размышлениям.

Лупе села рядом с Джонатаном.

– Как его звали?

– Джордж. Я называл его Джорджи. Он был моим лучшим другом, – тихо произнес он.

Лупе кивнула:

– У него приятное лицо. Мне нравится его поза, такая изысканная и величественная.

– Скажем, у него был особый стиль.

– А у вас есть особый стиль?

Джонатан улыбнулся:

– Да, у меня когда-то был свой стиль.

Лупе кивнула:

– Думаю, у моего дяди тоже есть.

– Правда? И чем он занимается? – поинтересовался Джонатан.

– Работает в одном из магазинов «Уильямс-Сонома».

Повисла длинная пауза. Затем Лупе спросила:

– А что случилось с Джорджи?

– Он очень серьезно заболел. А потом умер.

– О, как прискорбно! – Она помолчала немного. – А какой он был?

Джонатан потер глаза руками.

– Очень живой и жизнерадостный. Каждый день был для него приключением. Он бы очень удивился, если бы узнал, что уже умер.

– А он разве не знает?

Джонатан пожал плечами:

– Когда он заболел, вся его жизнерадостность и живость пропали. Это был стремительный и ужасный конец.

Лупе слушала его с серьезным видом.

– Если в доме много любви и песен, то в нем нет места болезням. Так говорит бабушка. Поэтому дедушка всегда включает музыку.

– Если бы я знал ваш семейный секрет, то нанял бы оркестр марьячи^[14], – насмешливо произнес Джонатан. – Ручаюсь, что в реанимации это бы сильно помогло. Если честно, то я готов был испробовать что угодно.

– Вы плакали, когда он умер?

– Лупе, хватит! Ты что, последовательница Барбары Уолтерс или еще что?

– А кто такая Барбара Уолтерс?

– Да, я плакал. Но больше не плачу. Я любил его, а он любил меня. Его последним в жизни словом было «спасибо».

– А вы что сказали?

– Не помню.

– Может, вы сказали: «Не за что».

Из другой квартиры позвали:

– Лупе, Лупе!

Явно расстроенный Джонатан отвернулся, когда на пороге появилась бабушка Лупе.

– Лупе, – сказала бабушка, – пора отправляться в больницу.

– Уже пора? Ненавижу туда ходить, – сказала девочка.

Джонатан обратился к Лупе:

– Почему твоему деду нужно в больницу?

Лупе отвернулась:

– До завтра!

* * *

Когда Лупе вернулась к себе, дедушка с бабушкой уже стояли в прихожей и собирались выходить.

– Надень жакет, Лупе, – сказала бабушка. – Я знаю, это тяжело. Никому из нас не нравится ходить туда.

Лупе зашла к себе в комнату и набросила легкий жакет. Затем они все вместе молча вышли и направились к ближайшей автобусной остановке. Дедушка опирался на ходунки.

– А почему ты не в инвалидном кресле? – спросила Лупе, поправляя ему воротник.

– Слишком громоздко для автобуса, – ответил он.

Приехав в больницу, они встали в длинную очередь изможденных пациентов, которые ждали талончика на прием к врачу. Кондиционер не работал, фонтанчиков с питьевой водой тоже не было. Все были недовольны.

Получив необходимые бумаги, они снова сидели и ждали в другом, большом, похожем на загон холле. Там было еще жарче, чем в первом. Лупе и дедушка с бабушкой сидели на стульях с прямыми спинками, рядами стоявших вплотную к стене. Там были десятки семей, многие говорили по-испански. Другие разговаривали на незнакомых Лупе языках.

Один из мужчин сидел, обхватив голову руками. Несколько детей плакали на руках у родителей, словно внутри у них что-то сломалось.

– Когда мы сможем войти? – спросила у матери маленькая девочка. В ответ мать обреченно покачала головой и устало произнесла:

– Не знаю, милая. Пожалуйста, не вертись.

Лупе начала рассматривать торговый автомат и старалась представить себе, что купила бы, если бы была самой богатой в мире. Но здесь даже торговые автоматы выглядели непривлекательно. В них были лишь легкие напитки непонятных марок, затхлые на вид орешки и растаявшие на жаре шоколадки.

Бабушка с дедушкой уснули, оба склонили головы на плечи Лупе. Она тоже прикрыла глаза и тихо нараспев повторяла:

– Я себе нравлюсь. Я живу целиком настоящим, нахожу хорошее в каждом моменте. Я знаю, что у меня светлое, радостное и обеспеченное будущее.

Когда медсестра выкликнула их фамилию, дедушка с бабушкой вздрогнули и проснулись. Они все встали и направились в офис, где обычно заносили в компьютер персональную информацию.

Лупе казалось, что они застряли на каком-то этапе процесса, который повторялся уже сотни раз. Какой смысл в компьютерах, если каждый раз нужно снова сообщать те же данные? Но дедушка с бабушкой не выказывали ни малейшего неудовольствия. Бабушка достала небольшой блокнот из черной сумочки и приятным спокойным тоном сообщила все сведения, которые от нее требовались. Лупе восхищалась ее стойкостью и оптимизмом. Если та когда-то и грустила или испытывала страх, то не показывала вида.

Дедушка Поппи был эмоциональнее. Однажды ей довелось увидеть, как

он настолько рассердился, что ударил огромным кулаком по столу с такой силой, что одна из досок раскололась. Но на людях он никогда себя так не вел. За последнее время он значительно поседел, и в какой-то момент, когда именно, она не заметила, у него частично выпали волосы.

– Вам что, всем троим обязательно здесь находиться? – сухо спросила медсестра, когда подошла их очередь на прием к врачу.

– Да, – ответила бабушка. – Всем нужно.

«Думаю, у нее есть и хорошие качества... прелестная сумочка, да и туфли тоже...»

Глава VIII

Родители и дедушки с бабушками, толпясь, занимали места в школьной аудитории. Бабушка Лупе села в первом ряду, в шляпе и ярком цветастом платье. На сцену поднялась длинная процессия девочек в темных платьях с белыми воротничками, похожих друг на друга как близнецы, – у всех длинные светлые волосы, с проборами посередине. Когда на сцену в конце длинной вереницы выступающих поднялась Лупе, миссис Салдана начала громко аплодировать. Лупе улыбалась, но было видно, что чувствовала себя не в своей тарелке.

Пряди длинных волос частично выбились из-под эластичной ленты и вились у лица. Ее платье было сшито из того же яркого материала, что и у бабушки.

Лупе старалась держаться поближе к другим исполнительницам, но те последовали примеру Бри и умудрились прижаться к ней и стоять, отстранившись от Лупе на несколько сантиметров. Причем это было заметно из зрительного зала, и у присутствующих создавалось впечатление, словно она заразная. Сегодня у Бри на лице застыло ледяное выражение, без ее обычной ухмылки. Казалось, она высматривала кого-то в зрительном зале.

Дирижировала высокая монахиня в современном наряде. Она поклонилась в ответ на аплодисменты и подняла руки. Все девочки повернулись в ее сторону и по ее знаку запели: «Боже Всесильный».

И пока они пели, голос Лупе все явственнее выделялся на фоне других сопрано – приятный, мелодичный, легкий и лиричный. В конце песни несколько девочек посмотрели на нее с пренебрежением, но Лупе было все равно.

Когда запели второй псалом, позади в зале началось какое-то движение.

На место в заднем ряду помогали усесться человеку в черном и в нелепой шляпе. Он явно был слеп.

Пока пели еще два псалма, Джонатан постепенно расправлял плечи. Он слышал голос Лупе среди хора других голосов. У нее был высокий, напоминающий звучание нежного колокольчика, голос.

И Джонатан слушал очень внимательно.

Когда хор закончил петь, монахиня сделала тот самый дирижерский жест, будто застегивала молнию. И Лупе улыбнулась. В задних рядах снова произошло какое-то движение – и сидевший там человек в черном костюме исчез.

* * *

На следующий день после полудня, когда Лупе входила в квартиру Джонатана, он заканчивал какой-то неприятный телефонный разговор. У него в голосе звучали нотки отчаяния: «О'кей, ладно! Я согласен!»

Он повесил трубку и обхватил голову руками.

– Что стряслось? – спросила Лупе.

– На этой неделе моя мать будет в городе проездом на Гавайи, и она настаивает на встрече. Хочет заехать.

– Но ведь это же хорошо, верно?

– Нет. Ничего хорошего. Я ее целую вечность не видел. И у меня на это были все основания.

– И какие основания?

– Она меня до белого каления доводит. Вот какие основания! Она просто генератор отрицательной энергии!

– А как насчет вашего отца?

– Он с ней никогда не путешествует. Он бывает рад одиночеству и покою. Не знаю, смогу ли я это выдержать. Прямо не знаю. Она действительно ужасная женщина! Она все еще пытается свести меня с дочерьми своих подруг.

– Я помогу вам занять ее.

Джонатан рассмеялся:

– Это будет замечательно! Она еще и тиранка, я разве не говорил? Она будет обращаться с тобой, как с прислугой!

– Ничего не имею против. Я ведь в какой-то мере действительно прислуга.

– Но *ты* не прислуга! Ты – моя...

– Подруга? – сказала Лупе. – Это что, так трудно произнести?

– Нет, совсем не трудно. Да, подруга!
– А в какой день недели она приезжает?
Джонатан снова обхватил голову руками:
– В четверг.
– В этот день у бабушки собираются члены клуба игры в бинго. Мы что-нибудь придумаем. Я вам помогу!
– Клуб игры в бинго?
– Все пожилые люди из окрестных домов, – ответила Лупе, уже на выходе.

* * *

В четверг Джонатан нервно ходил взад-вперед у окна.
– Лупе, пойдй глянь. Что там за шум!
Лупе вышла из кухни с подносом закусок.
– А это что такое?
– Сырные начо^[15], коронное блюдо бабушки!
Лупе выглянула из окна.
– Это такси. Но это не ваша мать.
– Как ты узнала?
– Это женщина. Но крошечная. На ней какой-то мех. И, похоже, она о чем-то препирается с таксистом!
– О господи! Это она!
– Не могу себе представить, как такой большой человек, как вы, мог выйти из утробы такой маленькой женщины, как она?
– Только ее об этом не спрашивай! Уверен, это кровавая история.
Он повернулся к Лупе:
– Сам не верю, до чего волнуюсь. А ведь это всего лишь моя мать!
– Матери обычно пользуются большим влиянием.
– И откуда ты все это знаешь в одиннадцать-то лет?
Зазвонил звонок, Лупе лишь пожала плечами.
– Мне только что исполнилось двенадцать.
– Впусти ее! – обреченно произнес Джонатан.
Лупе дважды нажала на кнопку кодового замка. Они стояли и слушали, как по лестнице стучат каблуки, пока она поднималась. Лупе открыла дверь. Оба стояли и ждали. Мать Джонатана Белль остановилась на верхней площадке, демонстративно отдуваясь.
– Лифта нет! Вот так *подарочек* !
Она пыталась отдышаться и демонстративно разглядывала Джонатана и Лупе. По родинкам на руках и по обвисшей коже на шее Лупе поняла, что

Белль была почти ровесницей ее бабушке. Но она что-то сделала с лицом и шеей, чтобы ее кожа казалась подтянутой и гладкой.

– Неужели это мое дитя?! Мое слепое дитя! – Она бросилась к Джонатану и обхватила его руками, едва не сшибла его с ног и почти втолкнула обратно в квартиру. Потом разрыдалась. – Как это может быть? Как случилось, что ты ослеп совсем молодым?

От избытка чувств у Джонатана исказилось лицо. Он погладил ее по плечу и оторвал ее руки от своей шеи.

– Мама, это случилось давным-давно. Я уже привык!

– Ну а я не привыкла! Мне не позволяли видеться с тобой!

Внезапно поток слез иссяк, словно перекрыли кран. Она заметила Лупе.

– Это твоя горничная?

– Я же тебе говорил, – сказал Джонатан Лупе. – Нет, это моя подруга Лупе. Она была мне настоящей подмогой!

– Ребенок? Надеюсь, тебя с ней не связывают неподобающие отношения?

– Нет, мам, не связывают. Только если ты считаешь уборку квартиры неподобающим занятием. Входи и садись!

Белль вплыла в квартиру. С явным недовольством осмотрелась.

– Как тесно!

– Мне места хватает! Угостить тебя чем-нибудь? Лупе принесла восхитительные закуски.

Белль осторожно уселась на софу.

– Если есть, я бы выпила обычной воды. Я слежу за весом.

Джонатан сидел напротив. Спросил:

– Ну, как у тебя дела, как отец?

Белль всхлипнула:

– Если тебе это действительно интересно, то мог бы нас навестить.

– Мне нужно было уладить кое-какие дела.

– Да. Могу себе представить! А как твой друг, ну этот, которого зовут Джорджи?

– Он умер много лет назад. Я тебе сообщал. Все мои друзья умерли примерно в одно и то же время.

Белль вздрогнула от отвращения:

– От этого мерзкого вируса! Но я всегда говорила, если ведешь извращенный...

Тут ее перебила Лупе:

– Здесь, в этом доме, у мистера Джонатана появилось много новых друзей. Как раз сейчас они все собираются в квартире напротив!

Лупе вышла, бросилась к своей квартире и стремительно распахнула дверь. Там, где жили дедушка с бабушкой, собралось множество старожилов из окрестных домов и соседних квартир – все сидели на раскладных стульях и играли в бинго.

– Привет! – по-испански воскликнули некоторые.

Белль закатила глаза:

– Вот *эти* – твои друзья? Такие древние? Да еще испанцы? Значит, теперь ты водишь компанию с детьми и престарелыми нелегальными мигрантами?

Джонатан сидел, уставившись в пол. На лбу у него вздулась жила, которой Лупе раньше не замечала.

Сначала Белль упиралась, но затем согласилась отведать кусочек начо и очень скоро опорожнила тарелку, при этом болтая без умолку.

– А Сара Эванс – знаешь, она была единственной, помимо меня, кто еще не развелся, так вот, как только закончился ее декретный срок, ей поставили диагноз рак мозга, причем в неизлечимой форме, я тогда сказала...

– Я очень туманно помню Сару. Она еще делала пластическую операцию на ушных раковинах, – заметил Джонатан.

– Да, именно она. Ты бы видел ее сейчас. У нее веки расплылись, словно воск на свечке. Она прошла курс лечения, этот новомодный, где тебе нагревают кожу, и она от этого якобы подтягивается. А по мне, лучше в любое время сделать старомодную подтяжку лица, чем все эти новоизобретенные процедуры. Они никогда не дают того эффекта, который вам обещают. А уж стоят...

– А как у папы с сердцем?

Недовольная, что ее перебили, Белль помрачнела и покачала головой:

– Неважно. Неправильно питается. Не способен сам контролировать свой вес. Человеку восемьдесят пять лет, а он ни за что не хочет отказаться от старых привычек. Никак не могу переубедить упряма. Словно вы в детстве. Кстати, о детях, я так ровным счетом ничего не знаю о твоей сестре. Как подумаю, сколько денег мы истратили на ваше образование! Ужасная неблагодарность. Разумеется, я не жду, что мне все возместят, но хотелось бы хоть немного уважения! А ваше образование – мы были бы миллионерами, если бы...

– Полагаю, что плата за мое обучение в художественной школе с лихвой окупилась, – насмешливо заметил Джонатан.

– Это как посмотреть! – фыркнула Белль.

Лупе, которая все время была неподалеку и прислушивалась, сказала:

– Искусство мистера Джонатана очень известно.

– Ну, сейчас никто из знакомых о нем ничего не знает.

Белль с подозрением посмотрела на Лупе.

– Ты уверен, что между вами двумя не происходит ничего неподобающего?

– А что значит «неподобающее»? – поинтересовалась Лупе у Джонатана.

– В данном случае имеется в виду слабоумие, – ответил тот.

Белль рассмеялась:

– Ха! Звучит великолепно, особенно из твоих уст!

– Мам, – обратился к ней Джонатан, – как, по-твоему, сколько мы не виделись?

Белль потерла лоб у виска:

– Ох, не знаю. Много лет...

– Судя по всему, недостаточно долго, – сказал Джонатан.

Мать неблагоприятно уставилась на него.

– Вопреки моим лучшим инстинктивным побуждениям, я поддался на уговоры Лупе и пригласил тебя. Но я был прав, что старался не общаться. В тебе слишком много негатива. Я просто больше не в состоянии выдерживать твой энергетический натиск...

– Мой энергетический натиск? Ну, извини. Я просто такая, какая есть.

– Я знаю, какая ты. Но ты и я, какие мы есть, просто несовместимы. Так что пусть так все и остается. Мне придется попросить тебя уехать!

– *Уехать*? Ты это серьезно? У меня до самолета еще уйма времени. И что я, по-твоему, должна делать?

– Да, серьезно. Здесь неподалеку есть супермаркет. Уверен, ты что-нибудь найдешь...

Белль открыла рот, потом закрыла. Взяла свою сумочку, встала, еще раз окинула взглядом комнату.

– Отец предупреждал, что это неудачная идея. Мне следовало прислушаться к нему. Но я не скажу ему, как низко ты пал. Он попросту не поверит.

– Можешь сказать ему, что хочешь, мам. Вот с ним-то мне хотелось бы повидаться. Я вызову тебе такси.

– Не беспокойся.

– Лупе, проводи, пожалуйста, мою мать.

– Не нуждаюсь я в вашей помощи, – произнесла она, пристально глядя на Лупе.

Она стремительно вышла и хлопнула дверью.

– *Hola!* – воскликнул один из игроков в бинго, когда она на всех парах пронеслась мимо.

– Сам ты – *Hola*, – огрызнулась она, с топотом спускаясь по лестнице на высоких каблуках. – Ничего ужаснее в жизни не видела.

Джонатан стоял у окна, пока не стих звук ее шагов.

– Мистер Джонатан, вы в порядке?

– Никак не предполагал, что она окажется еще хуже, чем я ее помню. Но это случилось. Надеялся, что у меня искаженное представление о ней.

– Думаю, у нее есть и хорошие качества, – тихо возразила Лупе.

– Назови хотя бы одно!

Молчание Лупе затянулось.

– У нее была прелестная сумочка, да и туфли тоже.

Джонатан рассмеялся:

– Думаю, будет лучше, если ты оставишь меня одного ненадолго.

Лупе вышла и закрыла за собой дверь.

В воздухе вокруг нас есть нечто, что слышит наши слова. Это крохотные молекулы. Когда мы что-то говорим, то наши слова передаются всем молекулам, что есть в мире. И тогда они все вместе делают так, чтобы наши слова сбылись.

Когда что-то говоришь или рисуешь, это непременно становится правдой. Поэтому и нельзя ругаться или произносить неприятные слова. А образы, что у вас в голове, еще сильнее. С их помощью мы сами рисуем свое будущее.

Глава IX

На следующий день Джонатан вернулся домой после ежемесячного визита к врачу и сразу услышал звуки сальсы, громко раздающиеся из верхнего окна. С хмурым видом он поднялся по лестнице и остановился на лестничной площадке. Музыка доносилась не из квартиры супругов Салдана, как он предполагал, а из его собственной. Даже дверь была не закрыта. Он вошел и услышал звук, похожий на шарканье ног.

– Лупе, что здесь происходит?

Музыку приглушили.

– Извините, я не ожидала, что вы так скоро вернетесь! Я всегда с помощью музыки избавляюсь от плохой энергии.

Помните, я вам рассказывала о том, что дедушка говорил о музыке и любви?

– А что дедушка говорил насчет жалоб соседей в полицию на шум?

– Я не так уж громко включала. Как прошел визит к врачу?

– Все так же. Всегда одно и то же.

– Нет, вам постепенно становится лучше. Я это чувствую!

– При моем заболевании улучшений не бывает.

– Не верю я в это.

И она опять включила музыку, на этот раз потише.

– Лупе...

– Во-первых, вы мало двигаетесь, – сказала она. – Давайте потанцуем. Я просто практиковалась. Делайте как я. – Она схватила его за руку и потащила на середину комнаты. – Я поведу. А вы повторяйте за мной!

– Лупе, я же ничего не вижу. Не могу я с тобой танцевать.

– О'кей. Просто держите меня за руку, чтобы вы почувствовали, что я делаю.

– Я и так чувствую, что ты делаешь, доводишь меня до безумия!

Она держала Джонатана за руку и двигалась вокруг него.

– Я вроде Майского шеста, – произнес он.

– Что вы сказали?

– Неважно!

Казалось, музыка играла целую вечность. Когда она наконец закончилась, Джонатан высвободил руку.

– Я уже устал вокруг тебя крутиться.

– Там еще один танец, – сказала она. И действительно, музыка изменилась. Зазвучала «Ча-ча-ча».

Лупе снова взяла его за руку и энергично начала танцевать вокруг него.

– Джорджи всегда нравился этот танец. Он часто упрашивал меня потанцевать с ним, – заметил Джонатан.

– Значит, вы не танцевали, даже когда были зрячим?

– Нет. Этот танец не про меня. Слишком уж он... Ну, не знаю... Публичный, что ли...

– И что с того? Что в этом такого? – сказала Лупе, стараясь отдышаться. – Это отличная тренировка для мышц. Да и настроение повышает!

Дверь в квартиру распахнулась. В холле стояли и наблюдали за происходящим бабушка Лупе и еще несколько соседей.

Когда песня закончилась, с лестницы донеслись аплодисменты, которые застали Лупе и Джонатана врасплох.

– Не думал, что у нас есть зрители. В следующий раз нужно будет брать с них плату, – сказал Джонатан.

Лупе засмеялась и стала обмахиваться ладонью, как веером.

– Здесь жарко. Пожалуй, я лучше пойду!

* * *

На следующей неделе, когда в дверь позвонили, Джонатан открыл, потому что ждал посыльного.

Но когда дверь отворилась, он замер и довольно долго стоял молча.

– Карла? Это что – неделя встреч с родственниками?

– Я думала, ты слепой. Как ты меня узнал?

– Семейный аромат. В начале недели здесь была мать, так что я его до сих пор чую носом или умом, а может, еще чем-то.

– Наслышана. Она мне сразу же позвонила. Разумеется, в истерике.

– А кто это с тобой?

– А как узнал? – Карла улыбнулась. – Твой племянник, мой сын. Родни,

это мой брат!

– И не подозревал, что у тебя есть сын.

– Вообще-то их у меня двое. Второй, Тедди, учится в колледже.

Родни выступил вперед, стройный, бледный. Пожал Джонатану руку. Тот на несколько минут удержал его руку в своей, губы медленно растянулись в улыбку.

– Очень рад познакомиться, действительно рад. Ты – один из немногих живущих в этом мире, у кого есть моя ДНК.

– Смотри, не напугай его до смерти, Джонатан, – попросила Карла. – Можно нам войти?

– Разумеется!

Они вошли и уселись в гостиной.

– Ну вот, – сказала Карла.

– Да, вот. Зачем приехала?

– Резок, как всегда. Рассказы матери о тебе все не выходили из головы. Всегда вспоминаю тебя как жутко преуспевающего и занятого. Но, судя по ее словам, ты в полном одиночестве, и в твоём состоянии...

– Имеешь в виду мою слепоту?

– Да.

– В общем, это правда. Я подолгу бываю один. И я действительно рад твоему приезду, Карла. Расскажи, что ты делала все это время.

– Да ничего особенного. Вышла замуж. Родила мальчиков. Развелась, – она рассмеялась. – Старая история.

– Родни, тебе сколько лет? – поинтересовался Джонатан.

– Девятнадцать.

– По правде говоря, я подумала, Роду будет полезно встретиться с тобой. Он во многом на тебя похож. Ему нравится заниматься дизайном, интересуется модой и все в этом роде. И это он явно унаследовал не от меня.

– А как насчет его отца?

Карла снова засмеялась, махнув рукой. Вспомнив, что он ее не видит, она сказала:

– Вряд ли. Он был фанатичным спортивным болельщиком. Я же всю жизнь провела на работе в банках, за бухгалтерскими книгами, так что творческая жилка у сына точно не от меня.

Юноша покраснел и уставился на свои ботинки.

– Что же, Родни, у меня есть всевозможные книги по дизайну и моде, так что можешь в любое время приходить и брать их, когда захочешь.

Родни издал одобрителный возглас. Казалось, он все время был чем-то

смущен.

– Почему бы тебе не осмотреться? Возможно, здесь найдется для тебя что-то интересное, – предложил Джонатан.

Родни встал и пошел побродить по фойе, уставленному стеллажами с книгами. Карла откашлялась.

– Дело в том, Джонатан, мать и я до сих пор не ладим. Она считает, что мой развод был настоящим скандалом. Да и мальчикам рядом с ней неуютно. Мне уже пятьдесят один год, и, кроме папы, ты – мой единственный родственник.

– Знаешь, на кого похож твой голос? На тетю Маргарет.

– О боже, неужели?

– Да, разве не странно? Знаешь, самое яркое впечатление детства о тебе – это когда мы вместе маленькими ездили на какую-то ярмарку. Мама тогда одела тебя в швейцарский костюмчик моряка и лакированные ботинки. Это было, кажется, на Пасху.

Карла засмеялась:

– Я тоже это помню. Один из ее дурацких нарядов для двойняшек. Она всегда была так озабочена, чтобы наши костюмы сочетались.

– Не возражаешь, если я ощупаю твое лицо? – спросил Джонатан. – Мне любопытно.

– Не возражаю, давай!

Джонатан встал и провел пальцами по лицу сестры.

– Я уже старая, – заметила она.

– Угу, я тоже.

– Вообще-то ты выглядишь лучше, чем я ожидала».

– Что ж, спасибо, пожалуй, – сказал Джонатан.

– Значит, я говорила, что мне хотелось бы установить более близкие отношения, если тебе, конечно, это интересно. Не имею в виду ничего обременительного. Просто общаться, понимаешь? До моего дома отсюда двадцать минут езды.

– Я думал, ты живешь в Сиэтле.

Она засмеялась: «Это было сто лет тому назад».

Джонатан вздохнул:

– Знаешь, мне бы тоже этого хотелось. Я никогда не смогу ужиться с матерью. Хотя с отцом повидался бы с удовольствием.

– Может, мне удастся это устроить.

– Это было бы чудесно. – Внезапно глаза Джонатана наполнились слезами.

Карла сидела рядом.

– Ой, не хотела тебя огорчать!

– Все нормально.

На пороге появился Родни.

– Что случилось? – спросил он.

Карла встала.

– Просто дядя Джонатан переволновался.

Она вытерла глаза.

– Думаю, нам лучше уйти. Дашь свой телефон?

– Конечно, запиши, он там, на аппарате.

Карла переписала телефон, затем обняла Джонатана.

– Буду на связи. Рада, что приехала.

– Я тоже рад. Был рад и тебя повидать, Родни. Приходи, когда захочешь.

Выходя, они прошли мимо Лупе.

– Мистер Джонатан, кто это? – спросила она.

– Моя сестра и ее сын-гомосексуалист.

– Правда?

– Да. Вряд ли она сама это понимает. А он сознает. Вот уж действительно, каких только чудес не бывает?

– Это значит, что вы этому рады?

– Да. Рад. Не знаю, почему, но рад.

* * *

Джонатан накрывал на стол, расставляя чашки чайного сервиза из костяного фарфора. Вошла Лупе с пакетом купленных продуктов.

– Купила все, что вы хотели, чай, печенье.

– Какое?

– Миланское.

– Великолепно. А как насчет лимонов?

– Да. И их тоже.

– Хорошо. Тогда доставай. Я покажу, как нужно их нарезать для меня.

Спустя пятнадцать минут они уже сидели вместе за обеденным столом, словно на официальном чаепитии. Стол был покрыт льняной скатертью, которую Лупе выгладила именно так, как велел ей Джонатан. Подобранные в тон салфетки были сложены и накрахмалены. На столе – расписанный анютиными глазками чайный сервиз с позолотой. А в центре стояла ваза со свежими гортензиями и пионами. Лупе то и дело входила и выходила, любуясь сервировкой.

– Это все так красиво выглядит. Даже жалко пользоваться. Жаль, что

вы не видите!

– В уме я себе все это очень хорошо представляю, кажется, так говорят. Прежде чем ослепнуть, я так пил чай уже много раз.

Джонатан разливал чай очень осторожно, а Лупе мастерски, как стратег, подвигала нужные ему приборы поближе.

– Так сколько кусочков сахара тебе положить?

– Хм... Два? Я никогда раньше не пила такой чай. Только со льдом и лимоном.

– Уж в это я никогда не поверю! А вот Джорджи любил с двумя, а иногда с тремя кусками сахара.

– Потому что он сам был приятный, как сахар. А вам сколько положить?

– Ни одного. Только лимон.

– Ха, вот поэтому вы и сами такой кислый.

Джонатан презрительно посмотрел на нее, затем разлил чай по чашкам.

– Давайка послушаем про платье для твоего *quinceañera*, о котором ты столько говоришь.

Лицо Лупе просветлело, она торопливо начала рассказывать:

– Я знаю, чего именно мне хочется. Мне оно даже снится. Во-первых, мне совсем не нравятся платья без бретелек. Поэтому нужно обязательно, чтобы были тонкие атласные бретельки и кружева на *corpino*.

– А что такое *corpino*?

Досадуя, что ее перебили, Лупе объяснила:

– Корсаж. Вы что, разве не знаете? Затем длинный подол, кружева и вышивка стеклярусом. А вот насчет цвета ткани я пока еще не уверена. Но она должна быть светлой, думаю, что платье должно быть похоже на подвенечное.

– У меня есть друг – владелец магазина тканей. Когда у меня был портной, то я все покупал именно там. Он закупает ткани по всему миру, самые лучшие. Мы могли бы зайти к нему и глянуть как-нибудь.

– Правда? А когда?

– Когда захочешь.

– Как насчет завтрашнего дня?

– Конечно, только мода-то за три года не сменится? – съехидничал он.

– Мода для *quinceañera* никогда не меняется. Все всегда очень элегантно, и некоторые девушки даже надевают тиары.

Джонатан фыркнул, так что из ноздрей брызнуло чаем.

– Тиара? Ну, это вульгарно!

Лупе заговорщически усмехнулась:

– Знаю. И насчет вуали я тоже не уверена. Как считаете, стоит мне надевать вуаль или нет?

– Не думаю, – ответил Джонатан. – Под вуалью обычно прячут лицо. Но ты-то хорошенькая. Я ведь тебе говорил.

– Вы единственный, кто так думает. Школьницы, особенно одна, по имени Бри, относятся ко мне, как к какой-то уродине!

– Бри? Ее что, назвали в честь мягкого сыра? Думаю, она ни черта не понимает. Похоже, она просто маленькая, сопливая девчонка. Как она выглядит?

– Ну, у нее привлекательная внешность, по крайней мере, для нашей школы. Длинные светлые волосы, с прядями различного оттенка. Носит «конский хвост». И, как это называется... когда маленький нос немного вздернут?

– Пятачок?

– Нет, курносый. Так, кажется. У нее прекрасная кожа, всегда загорелая, даже когда нет солнца. Они с матерью одеваются одинаково. В короткие юбки и облегающие топы, которые не прикрывают живот. Плюс ко всему они богаты.

– Звучит ужасно! Я их обеих уже ненавижу.

– В душе Бри, возможно, совершенно нормальная. В любом случае, думаю, что подружусь с ней.

– А это еще почему?

– Потому что я каждый день, закрыв глаза, представляю себе, что мы стали друзьями.

– Полагаешь, это сработает?

– Уверена!

– Не понимаю, зачем ты забиваешь себе голову мыслями о ком-то вроде Бри. Держу пари, ты гораздо привлекательнее ее.

Ты обязательно станешь «королевой бала», как это раньше называли.

– Это значит, что девушка хорошенькая?

– Значит, что хорошенькая и... благовоспитанная.

Лупе улыбнулась:

– Люблю попить чаю.

– Знаешь, кому еще нравилось, когда мы с другом чаевничали? Бо!

– Вашей собаке?

Джонатан утвердительно кивнул.

– А когда умер ваш друг, она была еще жива?

– Пес умер спустя три месяца после Джо. Я предполагал, что это может произойти. Он так любил Джорджи. Однажды он просто отказался от

корма. На следующий день уже не вставал со своего места. А вскоре навсегда меня покинул, точь-в-точь как мой друг. Это был один из самых ужасных дней в моей жизни. А там настала и моя очередь.

– Ваша?

– Мой друг, моя собака, мое зрение, моя карьера, – и он щелкнул пальцами, – все сгинуло за какие-то мгновения. Но у меня по-прежнему сохранился этот чудесный чайный сервиз, которым я не пользовался уже много лет. И я все еще зарабатываю на репродукциях, слава богу!

– А мысленно вы все еще рисуете?

– Что ты имеешь в виду?

– Вы все еще представляете, как пишете картины?

– Нет. Никаких мыслей на этот счет у меня в голове нет.

– Может, как раз в этом проблема. Если бы вы...

Помрачнев, Джонатан ее перебил:

– Ясно. Во всем я виноват. Я ужасен. Все делаю неправильно. И, наверное, поэтому я и ослеп!

– Не говорите так! В воздухе вокруг нас есть нечто, что слышит наши слова.

– Откуда такие глупые мысли?!

Лупе не обратила внимания на его тон и сказала, слегка наклонившись:

– Это крохотные молекулы. Когда мы что-то говорим, то наши слова передаются всем молекулам, что есть в мире. И тогда они все вместе делают так, чтобы наши слова сбылись.

– Что ж, большое им спасибо, что ослепили меня.

– Когда что-то говоришь или рисуешь, это непременно становится правдой, – невозмутимо продолжала Лупе. – Поэтому и нельзя ругаться или произносить неприятные слова. А образы, что у вас в голове, еще сильнее. С их помощью мы сами рисуем свое будущее.

Джонатан довольно долго молчал.

– Это самая смешная вещь из того, что я слышал за всю жизнь.

– Ну, я в это верю, – произнесла Лупе, вставая. – И к тому же вы совсем не ужасный человек. Ужасный человек никогда не пришел бы ко мне на концерт.

И она вышла, прежде чем он смог ответить.

Парча, шифон, атлас, шелк, тюль, органза, тафта, кружево... Она выглядит в этом просто изумительно. Этот цвет называется небесно-голубой. Он немного мерцает, и это еще лучше подчеркивает оттенок ее кожи.

Я сорок лет отработал на работе, которую ненавижу. Зато теперь собираюсь делать то, чего сам хочу!

Глава X

На следующий день после полудня Джонатан поджидал ее в дверях.

– Итак, мы едем посмотреть ткани сегодня. Я звонил другу.

– Я подумала, вы на меня рассердились.

– К сожалению, на тебя нельзя долго сердиться. Давай, поехали. Я уже вызвал такси.

У тротуара стоял заведенный автомобиль, Уильям ждал рядом.

– Привет, Уильям, – поздоровался Джонатан, когда они сели в машину. – Отвези нас в «Огромный мир ткани». Знаешь, где это?

– Конечно, знаю. *Hola*, Лупе. *Cómo está*^[16] твой дедушка?

– Для старика сносно – так он сам всегда говорит.

– Хорошо. Хорошо, – произнес Уильям.

Затем он нажал на педаль газа, отчего их обоих отбросило назад на сиденье машины.

Они подъехали ко входу в магазин, на витрине которого в изобилии красовались подвенечные платья и дизайнерская одежда. Лупе сразу просто остолбенела от изумления.

– Ой, посмотрите на то розовое платье. Мне очень нравится, – сказала она, выходя с Джонатаном из машины.

– Я собирался попросить тебя подождать, но, похоже, мы можем задержаться здесь на неделю, – сказал Джонатан, обращаясь к водителю. – Я позвоню, когда за нами нужно будет заехать.

Уильям сделал прощальный жест рукой.

– А вот и он! – воскликнул Джонатан при появлении осанистого мужчины средних лет с сантиметровой лентой на шее.

– Как дела, Джонни. Очень рад тебя видеть! – сказал тот.

– Лео. – Джонатан наклонился и поцеловал невысокого мужчину по

европейскому обычаю в обе щеки. – Это моя подруга Лупе, о которой я тебе говорил. Она хотела бы взглянуть на ткани для платья для особого случая.

– *Miuy buena!*^[17] Здравствуйте, моя дорогая! – сказал Лео, беря ее за руку. – Я уже подобрал несколько образцов, чтобы вам показать.

Он повел их в комнату, где были десятки образцов ткани всех цветов радуги.

– А по какому случаю платье?

– Для моего *quinceañera*.

– Это очень важный день. Ну, у нас есть все, включая выкройки и ткани на любой вкус.

– Никогда не видела так много ткани. Так красиво. Только посмотрите на жемчуг и блески!

У Лупе блестели глаза, когда она кружила по комнате, прикасаясь к образцам, словно те были из золота.

И когда она осторожно щупала какую-нибудь ткань, Лео нараспев произносил ее название: «Парча, шифон, атлас, шелк, тюль, органза, тафта, кружево».

Для Лупе все эти слова звучали словно песня.

– Ох. Мне все нравится, но думаю, что лучше всего вот эта.

Она остановилась около шифона нежно-голубого цвета. Затем осмотрела бисер и вышивку серебристой нитью.

– Некоторым девочкам нравятся яркие цвета. Но мне хочется чего-то очень светлого, как подвенечное платье.

– Когда-нибудь у тебя и свадьба будет, – сказал Джонатан.

– Не уверена, – произнесла Лупе.

– Ну а почему бы и нет?

– Вот ведь у вас же не было!

– Ну, я не похож на остальных!

– А может быть, я тоже не похожа?

Джонатан засмеялся.

– Давай-ка на этом остановимся. Пусть Лео накинет на тебя ткань, и поглядим, идет ли тебе этот цвет.

Лупе пошла с Лео в примерочную, а когда вернулась, то была завернута в полотнище выбранной ткани. Лупе остановилась перед Джонатаном и ждала.

– Я здесь, – сказала она.

– Я знаю, – он немного помолчал. – Бывают моменты, когда мне действительно хотелось бы видеть.

– Мне тоже этого хотелось бы.

– Посмотри на себя и попробуй это описать.

Лупе посмотрела на себя в трюмо. Поворачивалась во все стороны.

– Мне нужна ваша помощь.

– Нет, не нужна. Ты сама можешь все описать. А если не уверена, то пусть Лео поможет.

Лео сказал:

– Она выглядит в этом просто изумительно. Этот цвет называется «небесно-голубой». Он немного мерцает, и это еще лучше подчеркивает оттенок ее кожи. Я бы посоветовал взять эту ткань.

– Вот и отлично. Хочешь купить это сейчас?

– Думаю, да. Нужно посмотреть, достаточно ли я скопила денег.

– Помни, ткань ведь тебе некоторое время не понадобится.

– Знаю, но я должна все запланировать. Ведь это самое важное событие, которое мне предстоит. Я должна представить себе, как это будет происходить.

– Лео, пусть она посмотрит выкройки. А потом подсчитай, во что это нам обойдется.

Лео сказал:

– Давай я сниму мерки, Лупе. Мы сможем подобрать подходящий фасон и сделать допуск на вырост.

Джонатан сидел в кресле с прямой спинкой и ждал, когда они выйдут из гардеробной.

* * *

В голосе у Лупе звучали нотки отчаяния:

– Мне не хватает триста восемьдесят долларов. Я думала, что у меня достаточно денег, но материала нужно больше. Наверное, придется подождать.

– Нет, не нужно. Лео, я заплачу.

– Мистер Джонатан, вы не можете...

– Кто это сказал?

– Моя бабушка будет...

– Я все объясню твоей бабушке.

– Нет, я...

– Лупе, мы это покупаем. Лео, заверни все и отправь ко мне домой.

– Спасибо, – сказала Лупе серьезным тоном. – Но я обязательно все верну. Клянусь, что верну. И теперь я буду работать в два раза больше.

– Пожалуйста, не надо, – ответил Джонатан. – Я от тебя скоро

свихнусь!

* * *

Позже, вечером того же дня, Джонатан слушал новости, когда зазвонил телефон.

– Алло!

Сначала длинная пауза, а затем из трубки раздался голос:

– Джонни, сынок!

Джонатан опустил в кресло рядом с телефоном. Он обмяк, словно из него вынули все кости.

– Ты все еще здесь? – поинтересовались в трубке.

– Па, – наконец произнес Джонатан. – После всех этих лет. Просто невероятно, столько семейных событий за последнюю неделю.

– Ну, вероятно, в этом я виноват. Мать сказала, что твоего номера телефона нет в телефонном справочнике и что ты просил нас всех тебя не беспокоить.

– Что? Это же неправда!

– Ну, я должен был сам все разузнать. Мне не нужно было верить ей на слово.

Джонатан вздохнул, затем снова замолчал. Казалось, он не мог подобрать нужные слова.

– Как ты? Мать говорила, у тебя неважно с сердцем.

– Ну, мне ведь уже восемьдесят пять. Поэтому я и звоню. Хотелось поговорить с тобой, пока еще есть время.

– Когда-то мне было о чем порассказать, теперь уже нет, – ответил Джонатан. – Ты ведь знаешь, я слепой. И довольно много времени провожу в одиночестве. Я больше не способен рисовать или чем-то серьезным заниматься. Так что все выглядит не слишком привлекательно!

Отец сказал:

– Понимаю, о чем ты. Я тоже не слишком много могу сейчас. Стоит напрячься, как сразу сердце прихватывает. И потом, Белль держит меня на коротком поводке.

Он снова шмыгнул носом:

– Слышал, ты живешь неподалеку, где-то в районе Миссии.

– Так и есть. В соседях у меня по большей части латиноамериканцы. Все, в общем, неплохо.

– Я там не был уже много лет. Мать боится этих мест, хотя я знаю, что она навещала тебя, – он замолчал и откашлялся.

– Ты хотел сказать мне что-нибудь важное, па?

– Думаю, я звоню сказать, что мне жаль, что я не был слишком хорошим отцом. Ты был так не похож на других. А мать с этим просто не справлялась. Я оставил это на ее усмотрение, чтобы она решала сама. Подчинился, как обычно. Столько лет она указывала мне, что я должен чувствовать, а теперь жизнь моя почти закончилась. Я мог бы стать для тебя большей подмогой, особенно когда ты ослеп. Вот одно я точно могу для тебя сделать – упомянуть тебя в своем завещании. Я хочу, чтобы ты знал, когда меня не станет, ты получишь очень приличное содержание.

– Пап, мне ничего не нужно...

– Зато это нужно мне.

– Вообще-то это я должен был бы дать тебе денег. Ведь это я много зарабатывал.

– Джонатан, не спорь. Твоя мать не в курсе. Да ей и не нужно ничего знать.

Я сорок лет отработал на работе, которую ненавидел. Зато теперь собираюсь делать то, чего сам хочу!

Оба снова замолчали.

– Тебе хотелось бы как-нибудь встретиться? – с трудом произнес Джонатан.

– Думаю, лучше не стоит, – тихо ответил отец. – Мне это будет слишком тяжело. У меня же слабое сердце, я тебе говорил.

– Да. Я тоже не знаю, насколько мое сильное.

Оба вздохнули.

– Спасибо, папа. Правда.

Неожиданно в трубке раздались гудки.

Еще несколько минут Джонатан подержал ее, а потом повесил.

* * *

Позже, на этой же неделе, когда Лупе ехала на велосипеде по обычному маршруту в продуктовый магазин, она внезапно остановилась и взглянула на знакомый особняк еще раз. На газоне перед домом Бри, построенным в Викторианском стиле, была воткнута табличка «Продается». Лупе так долго стояла и смотрела, что кто-то отдернул кружевные шторы. Оттуда на мгновение выглянула мать Бри, а затем опять плотно их задернула.

Снова севшая на велосипед Лупе неожиданно для себя оказалась в самой гуще похоронной процессии. И сколько бы ни старалась, не могла из нее выбраться. Она застряла прямо за катафалком, так что через затемненные стекла виден был гроб, за которым следовали рыдающие пожилые женщины.

И поскольку конца процессии не было видно, она слезла с велосипеда и пошла пешком среди провожающих, склонив голову. Когда вся процессия повернула направо, в сторону кладбища, Лупе снова села на велосипед и поехала прямо.

На следующий день Джонатан лежал на кушетке и слушал новости, пока Лупе убирала купленные продукты.

– Мистер Джонатан, а вы когда-нибудь ходите на кладбище, где похоронен ваш друг?

– А с чего ты взяла, что его похоронили. Может, его кремировали?

– Я не знаю, просто предположила.

– Ну что ж, ответ – нет.

– Что – нет?

– Я никогда не ходил на кладбище. На случай, если ты не заметила, я слеп. После его смерти было слишком больно, а теперь уже чересчур поздно.

– А что, если я вас туда отвезу?

– Ага, на велосипеде меня повезешь?

– Нет, на автобусе. Я привыкла ездить в общественном транспорте и могу поехать вместе с вами.

Джонатан довольно долго молчал.

– Ты сегодня купила побольше миланского печенья?

– Да, на распродаже. Два по цене одного.

– Хорошо, – он снова помолчал. – Я подумаю обо всем этом, ладно?

– Я все представляю, будто мы богаче. Но это не срабатывает».

– Ну и продолжай в том же духе. За одну ночь ничего не может измениться.

Глава XI

Лупе была в туалетной комнате для девочек, когда до нее донеслись отрывки разговора между двумя популярными в школе ученицами, который они вели, пока мыли руки.

– Я слышала, что отца Бри уволили с работы за какие-то незаконные сделки. Не знаю точно, за что. Но мама говорит, это что-то ужасное.

– Так они поэтому дом продают?

– Да. К тому же я слышала, что они переезжают на квартиру. Представляешь?! Я была бы просто в шоке!

Когда Лупе вышла к умывальникам, обе школьницы завинтили краны и стали сушить руки, стараясь при этом не смотреть ей в глаза. Внезапно появилась Бри.

– Эй, – немного неуверенно окликнула она их, когда они молча старались проскользнуть мимо. – Вы сегодня будете у Куперов?

Девочки не обратили внимания на ее вопрос и просто вышли.

На Бри лица не было. Она вошла в кабинку и заперла за собой дверь.

Лупе немного постояла, глядя на видневшиеся под дверью кабинки туфли Бри, затем вымыла руки и тоже вышла.

* * *

Лупе сошла с городского автобуса и подождала внизу у ступенек. Протянула руку вверх, чтобы помочь Джонатану спуститься. Джонатан опирался на трость и одновременно держал ее за руку, когда они шли рядом. На нем был светлый льняной костюм и элегантная шляпа. На Лупе было яркое платье, которое она надевала на концерт. Они шли по улице, которая постепенно пустела, пока почти совсем не обезлюдела. Справа виднелась вывеска – «Вудлоунское кладбище».

Они прошли вместе под каменной аркой, Лупе посмотрела на нечеткую карту-схему кладбища.

– Сектор П, ряд пять.

Джонатан ничего не говорил, но продолжал держать ее за руку. Они в молчании шли мимо надгробий, ряд за рядом.

Лупе нервно сглотнула. Раньше ей никогда не доводилось бывать на таком огромном кладбище. Ей было неуютно оттого, что каждое такое надгробие символизировало начавшуюся и безвозвратно утраченную человеческую жизнь.

– Сколько их здесь, прямо глазом не охватить, – сказала она.

– Расскажи мне о них.

– Здесь много простых надгробий, знаете, такие с высеченными именами, – сказала Лупе.

– Прочти мне одну надпись.

– Ладно. «Любимому брату и мужу, Марвину Реднику, 1925–1995. Покойся с миром».

– Оригинально, – заметил Джонатан.

– «Мы любим тебя, мама Салли Данн, 1909–1999. Ты прожила долгую жизнь».

– Чересчур долгую, на мой взгляд.

– Вот сектор П.

Они повернули.

– Эти более изысканные. Тут больше ангелов и всего такого.

– Меня это не удивляет.

Они все шли. Стояла странная тишина. Слышался лишь шум газонокосилок и щебетание птиц. Доносился аромат цветов от лежащих букетов на свежих могилах, которых Лупе старалась избегать.

Вскоре они оказались среди надгробий с ангелами и статуями, изображающими скорбящих женщин. Лупе резко остановилась. Она увидела могилу друга Джонатана. Рядом стояло надгробие с надписью и не выравненной датой смерти: «Джонатан Лэнгли, 1956 —».

– Вот она, – тихо сказала Лупе.

– Где?

– Прямо перед нами.

Он шагнул вперед и прикоснулся к каменной статуе – склонившейся в скорбной позе рыдающей женщине с ниспадающими на лицо волосами.

Он гладил руками камень.

– На ощупь это именно то, что я хотел.

– Это вы сами выбирали?

– Я делал заказ. Наблюдал за процессом изготовления. Но законченной работы так и не увидел.

Он сделал паузу.

– Может, еще мне прочтешь несколько имен?

Лупе огляделась.

– Хорошо. Артур Хилл. Ли Джонс. Брэдли Фостер. Ларри Джонс. Питер Саймон.

Джонатан склонил голову.

– Мои друзья. Они все здесь вместе. Я даже не признавал этого.

Лупе молчала.

– Ты не против, если я останусь один ненадолго? Может, прогуляешься, а потом вернешься? – предложил Джонатан.

– А с вами все будет в порядке?

– Конечно, все будет в порядке. Я могу здесь где-нибудь присесть.

– Вот тут скамеечка. – Она подвела его к каменной скамейке, что была поблизости, и он сел лицом к памятнику на могиле Джорджи.

Лупе медленно и неохотно начала бродить по кладбищу. Некоторое время она посидела под деревом, закрыла глаза и начала бормотать по-испански. Мимо проезжал смотритель кладбища и подозрительно взглянул на нее.

Он остановил автокар-газонокосилку и спросил:

– У тебя все в порядке?

Лупе открыла глаза:

– Да.

Он поехал дальше, а она снова закрыла глаза.

Когда она их открыла, то, глянув на часы, вернулась в тот сектор, где оставила Джонатана.

Он снял очки и шляпу и сидел, наклонившись вбок. И только подойдя поближе, она поняла, что он разговаривал, вернее, беседовал с памятником.

– Мистер Джонатан?

Он повернул к ней покрасневшее лицо. И она в первый раз так близко увидела его глаза. Они были молочно-белые. Застывшие. Полные слез.

– Я же просил оставить меня одного!

– Через двадцать минут придет следующий автобус, а потом ни одного не будет целый час.

– Ладно, – отрывисто произнес он. – Помоги мне встать.

Он все еще выглядел раздосадованным.

– Я не собиралась вам мешать.

– Ты всегда мешаешь, Лупе. В этом тебе нет равных. Только этим ты и

занимаешься с момента нашей встречи.

* * *

Шло занятие по физкультуре. Группа школьников с несчастным видом, включая и Лупе, стояли во дворе школы в неловко сидящих на них спортивных костюмах.

Коренастая женщина средних лет, преподававшая у них физкультуру, разбивала группу на команды.

– Ладно, девочки. Знаю, играть в футбол нелегко, но давайте попробуем провести один матч.

Школьницы разочарованно застонали.

– Алиса, будешь капитаном одной команды. Лупе, а ты – второй. Каждая наберите себе по одиннадцать человек. Алиса, давай, выбирай первых пять!

Алиса, одна из самых популярных девочек, вызвала нескольких школьниц из своей группы:

– Хетер, Эшли, Лаура, Джини, Таня.

Она демонстративно игнорировала Бри, которая стояла отдельно от остальных и выглядела чрезвычайно растерянной.

Когда настала очередь Лупе, она быстро огляделась, затем назвала имена:

– Бри, Лили, Мисси, Сандра, Лиза, Карен.

Бри явно почувствовала облегчение, но выглядела слегка удивленной, когда направилась в сторону Лупе.

Как только начался матч, Лупе ожила на поле. Казалось, из всех членов ее команды она была единственной, кто помнил правила игры. Все остальные ошибались и путались. Она забила один гол, затем второй, помогая Бри, когда та спотыкалась.

А в другой команде игроки были еще хуже, совсем не в форме и плохо ориентировались на поле. Одна из школьниц споткнулась и упала; другая столкнулась с еще одной девочкой из своей команды. Лупе продолжала наступать, толкая мяч в сторону ворот противника, делая пас на Бри.

– Давай, Лупе, еще один, и мы выиграем, – прошептала одна из девочек.

Лупе забила гол, который ее команда встретила бурным ликованием.

Преподавательница засвистела в свисток.

– Ладно, отличная работа, Лупе! Играешь, как профессионал!

Вся команда собралась вокруг Лупе.

А Бри восхищенно спросила:

– Как тебе удалось так здорово научиться?

К этому времени Лупе совсем обессилела и, задыхаясь, наклонилась вперед. Было видно, что она явно переусердствовала.

– Мы все время играли в эту игру в Мексике.

* * *

Когда на следующий день после полудня Лупе вошла в компьютерный класс, все компьютеры снова были заняты. За одним из них сидела Бри.

На этот раз при виде Лупе она начала собирать свои тетради.

– Я уже закончила, можешь сесть сюда, – сказала она.

– Ничего, все в порядке! – пыталась возразить Лупе.

– Да нет же, я и правда уже закончила.

Лупе было видно, что Бри работала на одном из сайтов в социальной сети, экран дисплея пестрел фотографиями и изобилдовал диалогами.

– Хочешь, я оставлю его включенным на Facebook? – спросила она у Лупе.

– Да нет, я им не пользуюсь, – ответила та. – Я не так много людей знаю.

Бри задумалась, стоя перед Лупе с учебниками в руках.

– Тебе стоит попытаться. Когда ты появишься в Сети, то тебя заметят и, возможно, захотят познакомиться.

Лупе постаралась скрыть шок от такого доброжелательного тона Бри.

– Ладно, может быть, попробую.

Бри вышла, а Лупе села за стол и занялась домашним заданием.

Вернувшись тем вечером домой, она сразу пошла на кухню, где бабушка готовила рис.

– Бабушка, я знаю, что уже раньше спрашивала тебя об этом, но скажи, не хватит ли у нас сейчас денег на ноутбук?

Миссис Салдана обернулась и серьезно посмотрела на внуку.

– Лупе, ты же знаешь, что нет. Нам едва хватает на еду.

– Я все представляю, будто мы богаче. Но это не срабатывает.

– Ну и продолжай в том же духе, – произнесла бабушка, помешивая рис. – За одну ночь ничего не может измениться. Спроси у мистера Джонатана, можно ли тебе воспользоваться его компьютером.

* * *

Лупе постучала в дверь его квартиры и вошла.

– Послушайте, мистер Джонатан, можно я ненадолго воспользуюсь

вашим компьютером?

– Валяй!

Она уселась за его стол перед большим монитором.

– У него включен звук. Так что я смогу слышать, чем ты там занимаешься.

– Мне все равно! Ничего неприличного делать не собираюсь!

Она какое-то время набирала текст, и программа озвучила фразу: «Это Facebook». Затем наступила тишина.

– Ты пользуешься этим дурацким сайтом? Ни за что не поверю!

– Я всего на минуточку.

Она посидела некоторое время в тишине. Затем раздались слова:

– *Бри Хартланд предлагает тебе стать ее другом.*

И затем через интервал:

– *Бекка Золински предлагает тебе стать ее другом.*

– *Ли Хэнли предлагает тебе стать ее другом.*

– *Дэнни Миллер предлагает тебе стать ее другом.*

– *Ух ты! – прошептала Луне и каждый раз нажимала на опцию – «согласна». Это были ученицы из ее класса.*

– Неужели я услышал имя Бри Хартланд в сочетании со словом «друг»? – спросил Джонатан.

– Да, – ответила та, – действительно так.

*«Я любимое дитя вселенной. Вселенная с любовью заботится обо мне
сейчас и будет заботиться всегда».*

Глава XII

На следующий день Джонатан лежал на кушетке с печальным видом и слушал радио, пока Лупе громко хлопотала на кухне.

– Мистер Джонатан, я забыла вам сказать. Я не смогу прийти завтра. Мне нужно пройти тест.

Он сделал радио потише:

– Неважно. Мне не нужно, чтобы ты все время была здесь.

Он протянул руку, чтобы усилить громкость, и ему на лицо упал листочек бумаги.

– А это что такое? – с этими словами он коснулся стены и нащупал еще один листочек. – А это что? – Он осторожно ощупывал бумажки. Вся стена была увешана листочками, похожими на бумагу для записок.

– А почему у меня вся стена увешана какими-то бумажками?

Лупе подошла к двери:

– Это просто я кое-чем иногда занимаюсь.

– И что все это значит?

– Ну, я знаю, что вы редко думаете о хорошем и никогда сами не говорите о себе ничего приятного. Вот я и делаю это вместо вас. А на стену я их повесила, потому что вы именно там сидите.

Джонатан приподнялся и провел по стене рукой вверх и вниз.

– Я еще и на зеркало в ванной комнате приклеила.

– Ох, господи ты боже мой! – явно раздраженный Джонатан с топотом прошел в ванную. – И что написано на этих дурацких бумажках?

– Самые разные вещи.

«Впереди только хорошее».

«Ко мне вернется зрение».

Или: «Я сам создаю свое будущее». И все в таком же роде. Но на

большинстве из них написано: «Я еще напишу много прекрасных картин».

– Лупе, ко мне никогда не вернется зрение, сколько бы магических африканских заклинаний ты ни вешала мне на стены!

– Не надо так говорить! А то вас услышат молекулы!

Джонатан распалялся все больше:

– Не верю я в эти твои молекулы, ясно? И мне уже надоело все время выслушивать про них! Неприятности происходят. И со мной они случаются! И можешь сколько угодно принимать желаемое за действительное, с этим ничего не поделаешь!

– Чтобы на небе продолжало светить солнце, совсем не обязательно верить в него!

Джонатан взорвался:

– И не нужно верить в болезнь, чтобы она тебя поразила и опустошила твою жизнь, забрав всех, кого ты любишь. Спроси у своего дедушки. Ему-то эти молекулы и бумажки для заметок сильно помогли? Они остановили недуг, который пожирает его изнутри?!

На лице у Лупе появилось выражение полной обреченности. Повисла гнетущая тишина.

– Мне жаль. Я сказал ужасную вещь!

В ответ молчание.

– Я говорю, мне страшно жаль – правда!

Все еще ни слова в ответ.

Джонатан вытянул руку вперед. Лупе рядом не было. А дверь была распахнута. Он повернулся и наткнулся на подставку для зонтов. И пнул ее ногой, чтобы не торчала на дороге.

* * *

На следующий день Джонатан услышал какое-то движение в холле и открыл дверь. Появилась и быстро прошла мимо запыхавшаяся и встревоженная бабушка Лупе. Уходя, она крикнула с порога:

– Я позвоню тебе, как только смогу, радость моя!

Не обращая никакого внимания на Джонатана, она поспешила вниз, громко всхлипывая на ходу.

На лестнице она столкнулась с миссис Рамирес, соседкой из квартиры этажом ниже, и они быстро и взволнованно что-то сказали друг другу по-испански.

– Черт, наверное, что-то с мистером Салдана, – пробормотал Джонатан себе под нос. Он пересек холл и постучал.

– Лупе, это я...

Миссис Рамирес поднялась по лестнице и увидела, что Джонатан стучит в дверь.

– Из больницы позвонили, чтобы она приходить, – сообщила она ему.

– Похоже, она очень расстроена.

Миссис Рамирес сокрушенно покачала головой.

– Бедная Хуана! Она только и делает, что беспокоится. Все время в больнице.

– А чем именно болен ее муж?

Миссис Рамирес растерянно посмотрела на Джонатана.

– Нет, *es* Лупе. Это она больна. Вы разве не знали? О, *Dios mío*^[18]. Ведь у нее рак, она умирает!

– Лупе?! О чем вы говорите?

Внезапно дверь в квартиру супругов Салдана открылась, и на пороге показался дедушка, он опирался на трость.

– Где Лупе?! – спросил Джонатан.

Дедушка помолчал, потом ответил:

– В больнице.

– Но ведь она же не серьезно больна?

– Больна. Раком.

Джонатан недоверчиво покачал головой:

– Но разве это возможно? Разве она может заболеть? Она все время танцует, поет, смеется!

– Это все потому, что она верит, что здорова. Вот поэтому она все время и твердит про *quinceasera* и у вас работает.

– А что врачи говорят? – спросил Джонатан.

– Один из них прямо ей в глаза сказал, что ей повезет, если она вообще доживет до 14 лет. Но она не поверила. Она сказала, что видит свое будущее и то, как она становится леди.

– А почему она сейчас в больнице?

– Ей нужно сделать анализы, разве она вам не сказала?

Джонатан выглядел измученным.

– Она мне говорила. Я просто не слушал.

– Тест покажет, как далеко зашел рак. Говорят, что это очень болезненно.

Джонатан явно был потрясен.

– Я могу хоть что-то сделать, мистер Салдана? Ну хоть что-нибудь?

– Просто верьте, мистер Джонатан. Так сказала бы Лупе. Верьте.

* * *

В одной из больничных палат Лупе лежала на медицинском столе на боку в ночной рубашке. Позади нее с иглой в руке стоял врач.

Врач сказал:

– Ладно, Лупе. Нужно взять пробу костного мозга, про которую я тебе говорил. Может быть больно. Но это продлится всего секунду. Ты готова?

– Да, – храбро сказала Лупе. Но на лице у нее читался страх. Она крепко уцепилась за край стола, пока врач вводил иглу.

Она заметила свое отражение в блестящей хромированной поверхности медицинской каталки и смогла посмотреть себе в глаза.

Она тихо стала напевать: «Я любимое дитя Вселенной. Вселенная с любовью заботится обо мне сейчас и будет заботиться всегда».

* * *

Джонатан неловко складывал продукты в кухонный шкаф, ругаясь вполголоса, с выражением гнева и страха на лице. Постепенно они сменились яростью. Он стал поочередно хлопать дверцами кухонных шкафов так сильно, что слабо закрепленная полка, висевшая у него за спиной, закачалась и затем просто упала. Вместе с ней упала сахарница и разбилась, ударившись о дверь.

– Черт! – выругался он, встал на колени и на ощупь попытался определить, что произошло.

Он собирался еще что-то сказать, но замолчал. Потом тихонько начал нараспев произносить слова песенки, которую Лупе пела, когда он ругался. Он почувствовал, что слабеет от стыда и горечи.

Сидя на полу, он трогал рассыпавшиеся куски сахара. Внезапно он успокоился, и его руки стали двигаться автоматически. Он продолжал, а за окном в это время темнело.

Он услышал за дверью чьи-то шаги.

– Кто там?

– Это мистер Антунуччи. У вас все в порядке, мистер Джонатан?

– А вы не могли бы зайти, пожалуйста!

Домовладелец вошел. Увидев Джонатана на полу, встревожился:

– Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Вы не посмотрите кое на что вместо меня?

Хозяин дома приблизился.

– Вы рассыпали сахар, я помогу вам собрать.

– Нет, мне не нужно, чтобы вы убрали. Просто взгляните сюда, ладно? Это на что-нибудь похоже?

Домовладелец отступил и поглядел на узор на полу, который образовался из кусочков сахара.

– Это похоже на лицо девушки...

Он немного поколебался, потом посмотрел на Джонатана в некотором изумлении.

– Это похоже на лицо Лупе! Прямо сверхъестественно.

Джонатан склонил голову:

– Спасибо!

* * *

После ухода домовладельца Джонатан позвонил по телефону.

– Мне нужно, чтобы вы немедленно доставили мне мешок с песком в десять фунтов, – произнес он в трубку. – Мне неважно, сколько это будет стоить!

Он повесил трубку и перешел в спальню. И там стал доставать из шкафа краски, холсты, банки для красок и кисти.

Посыльный прибыл, его встретил разъяренный Джонатан.

– Не говори ни слова! Я слепой! У меня не все дома! Зато много денег. Так что входи.

Посыльный принес песок и осмотрелся. Джонатан разложил холст на полу и поставил в ряд несколько банок с краской. Он был сильно возбужден. Он попросил, чтобы посыльный помог ему смешать песок с красками.

– Они должны быть в таком порядке, чтобы я запомнил. Поэтому сначала смешай красную краску.

Примерно час они потратили на то, чтобы смешать краски с песком в каждой банке.

Когда во всех банках была краска с разным количеством песка, Джонатан сказал:

– Там на туалетном столике лежат сорок долларов. Возьми. Спасибо за все!

Джонатан взял нож и размазал часть смеси по холсту. А другой рукой он на ощупь проверял, как ложится краска.

Прошел час. Джонатан покрылся потом и перемазался краской. В полном изнеможении он поставил холст на попа. Он не видел, что ему удалось нарисовать, но все равно был удовлетворен.

Он надеялся, что это был портрет Лупе в ее наряде, приготовленном для quinceañera.

Она всех нас научила жить и надеяться на лучшее, верить и не терять присутствия духа. Она – наш земной ангел. Мы все ее любим. И благодарим бога за то, что она своим существованием осенила благословением нашу жизнь.

Эпилог

Один из осенних дней. Три года спустя.

Джонатан сидел за столом, где было множество гостей, под плакатом, на котором красовалась надпись: «ПОЗДРАВЛЯЕМ С ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЕМ!»

Латиноамериканский оркестр играл веселую музыку, почти все присутствующие танцевали.

У одного конца стола сидела Бри с несколькими одноклассниками Лупе. У другого конца стола расположилось множество родственников, включая родителей Лупе, которые недавно вернулись из Мексики, после того как Джонатан на местной ферме нашел им работу смотрителей. За другим столом собрались жители дома, за третьим – медицинские сестры и врачи.

Когда музыка смолкла, дедушка Лупе подъехал на инвалидной коляске к микрофону и заговорил по-испански. Рядом с ним стояла жена и переводила.

– Не все из здесь присутствующих верили, что наша дорогая Лупе доживет до этого прекрасного дня. Но в это верили мы. И что еще важнее, в это верила сама Лупе. Она всех нас научила жить и надеяться на лучшее, верить и не терять присутствия духа. Она – наш земной ангел. Мы все ее любим. И благодарим бога за то, что она своим существованием осенила благословением нашу жизнь.

Все зааплодировали. И Джонатан аплодировал громче и дольше всех.

Лупе, которой уже исполнилось пятнадцать лет, встала, в своем нарядном платье похожая на принцессу. Волосы были заплетены в косы и уложены короной вокруг головы. За последние годы она еще немного подросла, лицо стало спокойнее и еще прекраснее. Она улыбалась и прижимала руки к сердцу, а все вокруг продолжали ей аплодировать.

Она подошла к дедушке с бабушкой, обняла их за плечи и крепко прижала к себе. Потом повернулась к родителям, которые просто сияли от гордости. После этого подошла к столу, за которым сидел Джонатан. Здесь было много самых разных гостей. Среди них – Лео, торговец тканями в парчовом жилете; Уильям, шофер; сестра Джонатана Карла со своим сыном Родни. Здесь был и хозяин дома мистер Антунуччи, и местный посыльный.

У Джонатана волосы на висках стали более седыми. На лице появилось больше морщин, но выражение стало совсем иным. Умиротворенным.

Казалось, что он удивился, когда Лупе похлопала его по плечу.

Он протянул руку назад, она взяла ее и спросила:

– Можно пригласить вас на этот танец, пожалуйста?

И когда он в ответ вежливо поклонился, она помогла ему выйти на площадку для танцев.

Зазвучала медленная приятная мелодия, и пара начала танцевать.

Лупе кружила около Джонатана. Оба двигались легко, словно занимались этим всю жизнь.

Джонатан прошептал несколько слов Лупе на ухо, и та улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

– Сделай одолжение! – сказала она.

И когда музыка смолкла, Джонатан весело вскинул руку вверх и на какое-то мгновение превратился в живое воплощение танцующего бродяги, сошедшего с картины.

Об авторах

Луиза Л. Хей – автор международного бестселлера «Исцели себя сам» и многих книг, изданных по всему миру общим тиражом более 50 миллионов экземпляров. Она читает лекции по метафизике и преподает.

На протяжении более двадцати пяти лет Луиза Хей помогала людям по всему миру раскрыть свой творческий потенциал и реализовать его в полной мере ради развития собственной личности и во имя излечения. Она основала и возглавила в качестве председателя компанию Hay House Inc., которая занимается распространением книг, CD и DVD дисков и другой продукции, нацеленной на укрепление всеобщего здоровья на планете. Рекомендуем обратиться на сайт по адресу: www.LouiseHay.com.

Линн Лаубер – писатель, автор художественных и публицистических литературных произведений. Одновременно она преподает и является соавтором многих книг. В издательстве W. W. Norton & Co. были опубликованы три ее собственных произведения, она специализируется в области художественного и автобиографического жанра, а также в самоусовершенствовании. Ее очерки публиковались в *The New York Times*. Она также осуществляла литературную обработку для аудиокниг по произведениям Джона Апдайка, Оливера Сакса, Опры Уинфри и Гора Видала. Всем интересующимся предлагаем посетить сайт: www.lynnlauber.com

Примечания

1

Красавица моя ! (*исп.*) .

2

Любовь моя! (*исп.*)

3

Перевод Кудрявцевой Е. К.

4

Лимонад (*исп.*).

5

«Севенилебен», или «С семи до одиннадцати» – сеть однотипных продовольственных магазинов шаговой доступности. – Примечание переводчика.

6

Остров в Сароническом заливе. – Примечание переводчика.

7

Ника Самофракийская. – Примечание переводчика.

8

Спасибо (*исп.*).

9

Карнитас – маринованное или жареное мясо, в Мексике часто продается на улице. – Примечание переводчика.

10

Севиче – блюдо латиноамериканской кухни: кусочки сырой рыбы или креветки, маринованные в соке лимона или лайма; подаются с помидорами и мелко нарезанным репчатым луком. – Примечание переводчика.

11

Американский сериал (1960–1964). – Примечание переводчика.

12

Американский сериал (1968–1980). – Примечание переводчика.

13

Каламари – кальмары, блюдо итальянской кухни.

14

Марьячи – группа уличных музыкантов в Мексике. – Примечание переводчика.

15

Начо – закусочное блюдо мексиканской кухни; чипсы тортийя, запеченные с сыром и перечным соусом. Подается со сметаной, овощами, оливками и соусом гуакамоле (авокадо с чесноком). – Примечание переводчика.

16

Как поживает?... *(исп.)*

17

Очень хорошо! *(исп.)*

18

О Боже мой! *(исп.)*